Евгений Красняков,

народный депутат,

Александр Каревин

Чертовщина под украинским соусом

(«Кому родная «рідна мова»?)

г.Горловка
2002г.

Евгений Красняков,

народный депутат,

Александр Каревин

Чертовщина под украинским соусом

(«Кому родная «рідна мова»?)

«Нет! Это в самом деле не украинский язык! Такого языка у нас не разберут и ничего из него не поймут, а если что-то и разберут, то в голове останется что-то невыразительное, каламутное, какая-то муть»[1].

И.С.Нечуй-Левицкий

От авторов

В этой небольшой брошюре мы стремились дать ответ на вопрос: что представляет собой, по сути, теперешняя украинизация? Что это? Национальное возрождение или что-то другое? Информация, содержащаяся здесь, долгое время старательно замалчивалась. Но нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

Правда часто бывает горькая. И то, что написано в этой книге, многие воспримут болезненно. Наверняка, последуют обвинения в «шовинизме», «украинофобстве», а, может быть и в «государственной измене». Хотелось бы предостеречь любителей навешивать ярлыки. Тут приведены неопровержимые исторические факты. Что можно противопоставить им, кроме эмоций? Авторы готовы к открытой дискуссии.

Хотелось бы также узнать мнение тех, кто способен оценивать прочитанное объективно. Насколько убедительной кажется Вам эта книга? Может быть, какие-то аспекты затрагиваемой проблемы остались неосвещёнными? Может, следует усилить аргументацию?

Все, кому небезразлична судьба русского языка на Украине, могут направлять свои отзывы по адресу: народному депутату Украины Е.В.Краснякову.

Киев, ул. Банковская, 6-8, Верховная Рада Украины,

Комитет Верховной Рады Украины по вопросам науки и образования.

Рекомендуемая литература по теме:

Бендесюк С.Ю. Историческое развитие украинского сепаратизма. Львов, 1939.

Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах. Мюнхен, 1948 (Второе издание – в сборнике «Украина – это Русь» СПб, 2000).

Савенко А.И. Наше национальное имя /Малая Русь. Выпуск 1, К., 1918.

Савенко А.И. Украинцы или малороссы? /Ростов-на-Дону, 1919.

Стороженко А.В. Малая Россия или Украина /Малая Русь. Выпуск 1, Второе издание «Украинский сепаратизм в России», М., 1998.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966 /Второе издание М., 1996.

Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «українсько-руський» литературный сепаратизм СПб, 1900., /Второе издание в сборнике «Украинский сепаратизм в России».

Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. Берлин, 1925. /Второе издание в сборнике «Украинский сепаратизм в России».

Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К., 1912.

Вряд ли за последние годы говорили и спорили у нас о чем-то больше, чем о "державной мове". Политики, ученые, деятели культуры, журналисты, просто обыватели... Сторонники господства украинского языка (именно господства, без чего якобы невозможно сохранение государственной независимости) и приверженцы русско-украинского языкового равноправия. Блюстители прав нации и защитники прав человека.

Среди аргументов, пускаемых в ход обеими сторонами, не последнее место занимают ссылки на историю. Одни заявляют об исторически сложившемся в Украине двуязычии, билингвизме Другие утверждают, что это двуязычие - следствие трехсотлетней «насильственной русификации».

Споры имеют не только теоретическое значение. Неоднозначно воспринят в обществе массовый (и далеко не всегда добровольный) перевод дошкольных учебных заведений, общеобразовательных школ и вузов на украинский язык обучения. Вроде бы логичный довод: «Принуждение русскоязычных учителей преподавать учебные предметы русскоязычным же ученикам по-украински снижает качество образования», встречает возражение: «Хотя многие украинцы считают русский язык родным, но в глубине души в них все равно сидит та самая мова, возврат к которой приведет к более полному раскрытию потенциала личности, а значит - к расцвету науки и культуры».

На чьей же стороне правда?

«Зри в корень» - советовал когда-то незабвенный Козьма Прутков. Попробуем же, углубившись в прошлое, добраться до истоков языковой проблемы.

Как известно, все населявшие Киевскую Русь восточнославянские племена пользовались одним русским языком, и приехавший в Суздаль, Смоленск или Новгород галичанин в переводчике не нуждался. Начало языковому расколу положило разделение политическое. Польско-литовское господство, установившееся в Юго-Западной Руси с XIV века, способствовало постепенному ополячиванию населения. Местные говоры все более пополнялись польскими словами. Так возникли отличные от разговорного языка обитателей Северо-Восточной Руси западнорусские наречия - белорусское и малорусское. (Нужно сказать, что названия «Малая Русь», «Малороссия» не являются чем-то оскорбительным, как это утверждает современная пропаганда. Употреблявшиеся сначала константинопольским и патриархами, а затем и в официальных актах галицко-волынских князей, казацких гетманов, вошедшие в научную литературу названия эти обозначали территорию первоначального обитания русских племен, по аналогии с названиями «Малая Греция» - место зарождения греческой цивилизации и «Великая Греция» - острова, на которые греки расселились позднее; «Малая Польша» - родина польской нации и «Великая Польша» - места дальнейшего расселения поляков).

Но и оформившись в отдельные диалектные группы, говоры Малороссии, Великороссии и Белоруссии оставались разновидностями одного языка. Посетивший в 1523-1524 годах великие княжества Литовское и Московское посол римского папы Климента VII Алберт Кампензе писал в Рим, что жители Руси как Литовской, так и Московской считаются одним народом, так как «говорят одним языком и исповедуют одну веру»[2].

На засилье «московского языка» в Литве жаловался литовский писатель XVI века Михалон Литвин[3], а польский король Ян Казимир (вошедший в нашу историю как противник Богдана Хмельницкого), выступая в сейме, указывал, что главная угроза для Речи Посполитой заключается в тяготении населения украинских и белорусских земель к Москве, «связанной с ними языком и верой»[4].

Языковая близость Великой и Малой Руси ярко проявилась после их воссоединения. Многие украинские писатели, переселившись в столицу, приняли деятельное участие в литературной жизни Русского государства. Они существенно обогатили московский говор, внеся в него немало южнорусских особенностей. В результате, как отмечал П.А.Кулиш, на основе малорусского и великорусского наречий выработался общерусский литературный язык, «составляющий между ними средину и равнопонятный обоим русским племенам»[5].

Столь мощное (на первом этапе даже преобладающее) влияние малороссов на формирование русского литературного языка впоследствии дало повод некоторым украинским националистам обвинять великороссов в том, что они чуть ли не украли этот язык у украинцев. «Богатые запасы языка малорусской нации в течение двух последних столетий были систематически эксплуатируемы в пользу московского наречия»[6], -утверждал в 1880 году ярый украинофил Ом. Огоновский.

Естественно, что поскольку главные культурные центры Российской империи (Петербург, Москва) располагались на территории Великороссии, в процессе дальнейшего развития литературного языка усиливалось влияние на него великорусской языковой среды. Примерно в середине XVIII века преобладающим стало уже оно. Однако и тогда малорусское влияние оставалось значительным. «Для развития литературной речи "малорус" Григорий Сковорода сделал не меньше «великоросса» Михаила Ломоносова, -замечал выдающийся русский историк Н.И.Ульянов. - А потом следуют поэты -Богданович, Капнист, Гнедич, вписавшие вместе с Державиным, Херасковым, Карамзиным новую страницу в русскую литературу. И так вплоть до Гоголя»[7].

Как видим, украинцы, как и великороссы, имели все основания считать русский литературный язык родным. Таковым он и был. И не только для образованной части украинского общества, но и для

простого народа. Говорившие «по благородному» помещики, в том числе и великороссы, в глазах украинских крестьян не являлись иноземцами, в отличие от панов польского или немецкого происхождения. Сами же крестьяне и в Великороссии, и в Малороссии говорили «по-простому», но и свои сельские говоры, и господскую речь считали разновидностями одного русского языка.

Русскоязычными были и украинские писатели – И.П.Котляревский, Е.П.Гребенка, Г.Ф.Квитка-Основьяненко, за что впоследствии националисты обвиняли их в «пренебрежительном» отношении к «ридной мове». («Пренебрежительное отношение к родному языку, как это ни странно, было даже у «возродителей» украинской литературы: Квитки, Котляревского и др., которые также смотрели на язык украинский как на «малороссийское наречие», а на русский язык – как на «общий язык»[8] – сокрушался один из активистов украинского движения. «Сознательности национальной украинцам не хватало. Квитке ещё не приходил в голову вопрос о национальном языке»[9] – печалился другой «национально-сознательный» автор).

«Недостаток национальной сознательности» и «пренебрежение к родному языку» тут, конечно, не при чём. Следует помнить, что в то время малороссы (украинцы) вместе с великороссами и белорусами составляли одну русскую нацию, подобно тому, как великополяне, малополяне и мазуры составляли нацию польскую, пруссаки, баварцы, саксонцы - нацию немецкую и т.п. Теория «трёх братских народов», якобы возникших из «древнерусской народности» после распада Киевской Руси, вошла в обиход позднее. Некоторое время именно эта теория господствовала в отечественной историографии. Однако сегодня всё больше и больше исследователей склоняются к мысли о её несостоятельности. Действительно, нации (народности) не распадаются вслед за государством. История народов Европы – наглядное тому подтверждение. Северные области Италии долгое время находилась под

немецким владычеством, южные - под испанским, а в центре Аппенинского полуострова существовала под управлением римских пап самостоятельная Папская область. Веками эти территории были отделены друг от друга государственными границами, жили каждая своей политической и культурной жизнью, говорили на разных наречиях. Но сегодня итальянцы - единая нация, а не три братских народа. Веками и Германия была расколота на множество государств, а разные ее части входили в состав испанских, датских, шведских владений. Но и немцы сохранили национальное единство. Раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией не привел к распаду польской нации на «три братских народа». Греки Балканского полуострова, Малой Азии и различных островов, разбросанных в Восточном Средиземноморье, сознавали себя единой нацией, хотя разделялись не только государственными границами, но и морем.

Сознавали себя единой нацией и все три ветви русского народа - великороссы, малороссы, белорусы. Различия в обычаях и языке, появившиеся у них во время долгого пребывания в составе разных государств, все-таки были меньшими, чем разница между теми же малополянами, великополянами и мазурами, пруссаками и баварцами, пикардийцами и провансальцами (во Франции) и т.д.

Соответственно, и вышеупомянутые Котляревский, Гребенка, Квитка-Основьяненко считали себя русскими. Родным для них был русский литературный язык. Создавать ещё один литературный язык и «возрождать украинскую литературу» они не собирались, а простонародные говоры (в данном случае диалекты Полтавской и Харьковской губерний) использовали для лучшей передачи местного колорита или для комических эффектов. «По господствующему тогда образу воззрений, речь мужика непременно должна смешить и, сообразно с таким взглядом, Котляревский выступил с пародией на "Энеиду" Вергилия, составленную по-малорусски, где античные боги и

герои изображены действующими в кругу жизни малорусского простолюдина, в обстановке его быта, и сам поэт представляет из себя также малорусского простолюдина, рассказывающего эти события»[10] - пояснял Н.И.Костомаров.

«Живя в Украине, приучаясь к наречию жителей, я выучился понимать мысли их и заставил их своими словами пересказать их публике. Вот причина вниманию, коим удостоена «Маруся» и другие, потому что писаны с натуры без всякой прикрасы и оттушевки. И признаюсь Вам, описывая «Марусю», «Галочку» и проч., не могу, не умею заставить их говорить общим языком, влекущим за собою непременно вычурность, подбор слов, подробности, где в одном слове сказывается всё. Передав слово в слово на понятное всем наречие, слышу от Вас и подобно Вам знающих дело, что оно хорошо»[11] - сознавался Г.Ф.Квитка-Основьяненко в письме к русскому ученому и поэту П.А.Плетневу.

Действительно, было бы странно, если бы персонажи произведений Квитки - казаки и крестьяне из малорусских сел и местечек общались-бы между собой изысканным литературным языком, принятым в аристократических салонах. Как не могли общаться таким языком и персонажи произведений великорусских писателей - мужики из Вятской, Рязанской или Псковской губерний. «Мы - пскопския» звучит не так, как «мы - псковские», но и то, и другое - русский язык.

Нечто подобное происходило и в других европейских литературах. В Германии сочинители комедий на швабском или нижненемецком наречиях, при всей любви к своим местным говорам, не отрекались и от немецкого литературного языка. Поэты юга Франции, творившие на провансальском диалекте, не переставали от этого быть французскими литераторами. В тогдашнем литературоведении такой вид творчества назывался областной литературой, которая являлась оригинальной частью литературы общенациональной. Представителями такой

областной литературы были и Котляревский, и Гребенка, и Квитка-Основьяненко, и их более поздние последователи. Никто из них не отделял себя от русской культуры. Вспомним, что Т.Г.Шевченко при всей любви к малорусскому слову свои прозаические произведения писал на русском литературном языке, русского поэта А.В.Кольцова называл «поэтом нашим»[12], а М.Ю.Лермонтова – «наш великий поэт»[13].

«Во времена котляревщины, гулаковщины, артемовщины и т.п. украинская литература была лишь провинциальной литературой, дополнительной к русской, это была литература гопака, горилки, дьяка и кумы. Этого характера украинская литература не лишилась даже во времена Шевченко, Кулиша, Марка Вовчка и других»[14] - вынужден был признавать даже такой пылкий сторонник украинизации, как Н.А.Скрыпник.

Скрыпник считал (и тут с ним трудно не согласиться), что самостоятельная украинская литература возникла в конце XIX века благодаря стараниям галицких литераторов (об этих «стараниях» речь пойдет дальше).

Таким образом, ещё в XIX веке русско-украинского двуязычия на Украине не существовало. Литературная речь и народные говоры мирно уживались, будучи лишь разными ступенями развития одного и того же русского языка. «Тесная внутренняя связь и близкое родство между малорусским языком, с одной стороны, и великорусским, белорусским и общерусским литературным языками, с другой, настолько очевидны, что выделение малорусского из русской диалектической группы в какую-либо особую группу в такой же степени немыслимо, в какой немыслимо и выделение, например, великопольского, силезского и мазурского наречий из польской диалектической группы, или моравского наречия - из чешской диалектической группы, или рупаланского наречия из болгарской диалектической группы... - отмечал выдающийся ученый, профессор Киевского университета

Т.Флоринский. - В частных сторонах и явлениях своей жизни, в языке, быте, народном характере и исторической судьбе малорусу представляют немало своеобразных особенностей, но при всем том они всегда были и остаются частью одного целого - Русского народа»[15].

Так же и другой крупнейший учёный филолог, профессор Варшавского университета А.Будилович подчеркивал принадлежность малорусского и великорусского наречий к одному русскому языку. Ученый указывал, что малорусские и великорусские группы говоров гораздо ближе друг к другу, чем, например, нижненемецкие и верхненемецкие говоры в немецком языке, или северофранцузские и провансальские - во французском. «Это доказывается тем, что шваб вовсе не понимает фриза, а нормандец – гасконца, тогда как великорус и малорус всегда поймут друг друга, говоря на своих просторечиях»[16].

По мере распространения просвещения возрастало количество пользующихся литературным языком, общим для малорусов и великорусов, и, соответственно, сокращалось число говорящих на просторечиях. Никакая «русификация» к этому процессу отношения не имела. Запреты и гонения, о которых сегодня модно говорить, касались совсем другого.

«Не было, нет и быть не может».

XIX век прошел на Украине под знаком борьбы двух культур - русской и польской. Заветной мечтой польской шляхты было восстановление независимой Речи Посполитой. Новая Польша виделась им не иначе, как «от моря до моря», с включением в ее состав Правобережной (а если удастся - то и Левобережной) Украины и Белоруссии. Но сделать это без содействия местного населения было

невозможно. И руководители польского движения обратили внимание на малороссов, живущих на территории Королевства Польского.

Поначалу их просто хотели ополячить. Для этого в панских усадьбах стали открываться специальные училища для крепостных, где крестьянских детей воспитывали на польском языке и в польском духе. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали Украину, выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. В соответствующем направлении прилагали усилия и чиновники-поляки (а их в то время немало служило на Украине, особенно по ведомству министерства просвещения).

Как это ни странно, но такой почти неприкрытой подрывной деятельности власти препятствий не чинили. Что такое «психологическая война», тогда просто не знали. А поскольку открыто к восстанию до поры до времени поляки не призывали, царя вроде бы не ругали, то и опасности в их деятельности никто не усматривал.

Однако откровенная полонизация не удалась. Слишком живы были ещё в народе воспоминания о былых обидах, нанесённых коренному населению польской властью, во времена её владычества, слишком многое разделяло крестьян (почти сплошь по происхождению малороссов) и помещиков (которые на Правобережье, за небольшим исключением, были поляками по национальности). На переодетых в народные украинские костюмы польских пропагандистов (а были и такие) в селах смотрели, по меньшей мере, подозрительно.

С другой стороны, гонористая шляхта совсем не желала брататься с холопами, считать их единокровными и одноплеменными. Малороссы были для них русскими, такими же ненавистными москалями, как и великороссы. Характерен пример с украинским художником И.М.Сошенко (бывший друг Т.Г.Шевченко). Когда он женился на девушке из бедной польской семьи, родители его жены долго не могли

смириться с тем, что «их Марцеся омоскалилась, вышедши замуж за хлопа-схизматика»[17].

Все это вынудило польских шляхтичей сменить тактику. Раз не получилось превратить жителей Украины в поляков, следовало хотя бы добиться того, чтобы они перестали считать себя русскими. «Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет он ни моим, ни твоим»[18] - так сформулировал эту политику видный польский деятель ксёндз В.Калинка.

Ещё откровеннее был военный лидер польского движения генерал Мирославский: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат её. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть»[19].

Новое идеологическое течение получило наименование украинофильского. Его проповедники особое внимание сосредоточили на малорусской интеллигенции. Малороссам внушали, что они представляют собой национальность, отдельную от великороссов и порабощенную последними, призывали отказаться от русского литературного языка и разрабатывать «свой» особый литературный язык, самостоятельную культуру и т.д.

Нельзя сказать, что пропаганда эта пользовалась успехом. Образованные малороссы всей душой любили народные обычаи, песни, говоры, но при этом, несмотря на усилия украинофилов, оставались русскими. Новыми идеями соблазнились единицы. То, что потом было названо «украинским национально-освободительным движением», на начальном этапе своего развития состояло преимущественно из поляков (В.Антонович, Т.Рыльский, К.Михальчук и др.), поддержанных очень немногими малороссами.

Среди таких немногих оказался и писатель П.А.Кулиш. Позднее, осознав себя орудием польской интриги, Пантелеймон Александрович

разойдется с бывшими единомышленниками. Он напишет замечательную книгу «История воссоединения Руси», где покажет, что Малая и Великая Русь фактически составляют единый национальный организм, будет отстаивать право малорусских детей обучаться в школах на русском литературном языке, а не на местных наречиях. Но в молодости видный деятель Украины трудился в ином направлении - хотел вытеснить из сферы образования, церковной, общественной и научной жизни на Украине русский литературный язык и заменить его «украинским». Он сочинил для него особое правописание (так называемую «кулишевку») и стал переводить на «украинский» Библию. Дело оказалось не из легких. Употреблявшиеся крестьянами в сельском быту слова, оказались совершенно непригодным для перевода Библии. Писатель вынужден был выдумывать недостающие слова или прибегать к заимствованиям из польского языка. Перевод не получался. К примеру, фраза «да уповает Израиль на Господа» превратилось у Кулиша в «хай дуфае Сруль на Пана»[20]. Даже украинофилы признали эти попытки неудачными.

Таким же курьезом обернулась попытка перевести «для народа» Высочайший Манифест об отмене крепостного права (1861 года). Представив свой труд на утверждение в канцелярию Государственного Совета, Кулиш получил его обратно вместе с резолюцией, где переводчику не без иронии рекомендовалось «держаться сколь возможно ближе к тому языку и тем выражениям, кои употребляются ныне малороссийскими крестьянами»[21].

Но, потешаясь над подобными переводами, правительственные чиновники не были расположены что-либо запрещать.

Положение изменилось в 1863 году. В Польше вспыхнуло антирусское восстание, к которому поспешили присоединиться многие украинские поляки. Напрасно В.Антонович и другие польские

украинофилы предупреждали, что на Украине открытое вооруженное выступление обречено. Гордые шляхтичи рвались в бой.

Мятеж закончился катастрофой. Сознавая себя русскими, малороссийские крестьяне справедливо усмотрели в польском выступлении против русской власти угрозу собственным интересам. Вооруженные косами и вилами мужики, собравшись в отряды, бросились истреблять польских повстанцев. Фактически восстание на Украине было подавлено самим народом почти без участия армии. Часто, прибыв в какую-нибудь волость, где действовали мятежники, солдаты лишь принимали от населения связанных бунтовщиков и тела убитых повстанцев. Это был крах польского движения в Малороссии.

Восстание, наконец-то, заставило власти обратить более пристальное внимание на деятельность поляков, в том числе и на их украинофильские потуги. Тут-то и выяснилось, что литературные усилия и языковые эксперименты над малорусским наречием не так безобидны, как это казалось ранее. Требовалось принимать меры. Так появилось на свет знаменитое «не было, нет и быть не может», которое приписывается министру внутренних дел П.А.Валуеву.

Большинство современных публицистов, упоминающих о «валуевском циркуляре», выдёргивают из него именно эту фразу и старательно избегают более подробного цитирования. Между тем, знакомство с этим интересным документом приводит к несколько иным выводам, чем, те, которые навязывают сегодня общественному мнению борцы с «насильственной русификацией».

«Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы, - писал Валуев, - Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличившихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто

политических, не имеющих отношения к интересам собственно литературным».

Далее министр касался распространяемых украинофилами идей о желательности обучать школьников в Малороссии не на общем для всей Руси русском литературном языке, а на местном, малороссийском наречии. «Возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка нет, не было и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии. Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков».

Принимая во внимание «с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны - имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил ещё окончательного разрешения в законодательном порядке», Валуев считал необходимым «впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором священного синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству

распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы»[22].

Как следует из документа, министр внутренних дел П.А.Валуев вовсе не являлся украиноненавистником, каким хотят представить его сегодняшние украинизаторы. Он был знаком с литературой на малороссийском наречии, отмечал «более или менее замечательный талант» некоторых писателей и не имел ничего против издания по-малорусски художественных книг («изящной литературы»). Мнение: «Не было, нет и быть не может» принадлежало не министру, а самим украинцам и, конечно же, относилось не к народным говорам, а к «новому украинскому литературному языку», спешно сочиняемому украинизаторами.

Не мог не учитывать Валуев и настроения жителей Малороссии. А они требовали, чтобы детей учили именно русскому литературному языку, а не местным просторечиям, непригодным для книги, школы, церкви. Широкую известность получил случай с приехавшим в малорусское село молодым священником, который обратился к крестьянам с проповедью на народном наречии. Крестьяне очень обиделись, потому что батюшка говорил о Боге тем языком, каким они «в шинке лаются меж собой»[23].

Так же и другой запретительный акт - Эмский указ 1876 года был направлен не на малорусское наречие, а на использование его в политических целях. Указ запрещал ввоз в пределы Российской Империи малорусских книг, изданных за границей (подразумевались, прежде всего, австрийские издания) и пресекал попытки искусственно распространить сферу действия простонародных говоров на науку и общественную жизнь.

«Поднимать малорусский язык до уровня образованного, литературного в высшем смысле, пригодного для всех отраслей знания и для описания человеческих обществ в высшем развитии - была мысль

соблазнительная, но её несостоятельность высказалась с первого взгляда, -констатировал Н.И Костомаров. -Язык может развиваться с развитием самого того общества, которое на нём говорит; но развивающегося общества, говорящего малороссийским языком, не существовало; те немногие, в сравнении со всею массою образованного класса, которые, ставши на степень, высшую по развитию от простого народа, любили малорусский язык и употребляли его из любви, те уже усвоили себе общий русский язык: он для них был родной; они привыкли к нему более, чем к малорусскому, и как по причине большего своего знакомства с ним, так и по причине большей развитости русского языка перед малорусским, удобнее общались с первым, чем с последним. Таким образом, в желании поднять малорусский язык к уровню образованных литературных языков было много искусственного. Кроме того, сознавалось, что общерусский язык никак не исключительно великорусский, а в равной степени и малорусский... При таком готовом языке, творя для себя же другой, пришлось бы создать язык непременно искусственный, потому что, за неимением слов и оборотов в области знаний и житейском быту, пришлось бы их выдумывать и вводить предумышленно»[24].

«На наш взгляд, в школе и учебной литературе почти нет места малорусскому наречию, и народ сам, становясь грамотным, чувствует инстинктивное влечение к усвоению общерусского литературного языка и нередко интересуется более произведениями на последнем, чем малорусскими книжками»[25] – вторил Костомарову известный украинский литературовед и языковед Н.П.Дашкевич.

Многим ли отличаются эти мнения знаменитых учёных-украинцев, которых невозможно заподозрить в желании притеснить язык и культуру своего народа, от точки зрения, высказанной в циркуляре Валуева и подкреплённой Эмским указом?

Очевидно, распространённость на Украине русского литературного языка и не- распространённость сочинённого по инициативе польских деятелей «украинского литературного языка» объяснялась вполне естественными причинами, а не какими-либо запретами и преследованиями. Малорусскую литературу никто не запрещал. Произведения украинских писателей, не только уроженцев российской Украины (Тараса Шевченко, Марка Вовчка, Панаса Мирного, Ивана Нечуя-Левицкого и других), но и галичан (Ивана Франка, Юрия Федьковича) печатались и распространялись и в Малороссии, и в Великороссии. Видный участник украинофильского движения Д.Дорошенко, составивший библиографический указатель произведений «народной украинской литературы», изданных в 1894-1904 годах (когда ещё действовали положения Эмского указа), признавал, что в этот период «вышло довольно значительное количество украинских книг»[26].

Другое дело, что авторы таких книг, пропагандируя украинский язык, сами оставались русскоязычными. Невероятно, но факт: русский язык был родным для большинства украинских писателей дореволюционной поры от Ивана Котляревского до Панаса Мирного. (Сомневающиеся могут открыть собрание сочинений того же Панаса Мирного и посмотреть, на каком языке переписывался он со своими детьми). И известный украинофил поэт Павло Грабовский имел все основания написать Ивану Франко: «У нас по Украине много таких, которые пишут по-украински, а говорят по-московски»[27]. Грабовский спрашивал, так ли обстоит дело в Галиции? А в Галиции с языком была особая история.

Птенцы «гнезда» Франца-Иосифа

Сегодня трудно представить, что ещё в конце XIX - начале XX веков коренное население западноукраинских земель (Галиции,

Буковины, Закарпатья), находившихся тогда в составе Австро-Венгрии, в национальном отношении не отделяло себя от великороссов и признавало родным русский язык. На русском языке творили местные писатели, выходили газеты, издавались книги. «Русский литературный язык различается от нашего галицко-русского наречия (говора) единственно немногими меньше понятными словами и иным выговором где-яких букв... - отмечалось в галицких учебниках грамматики. - Но мимо тех различий народ на всем том неизмерим ом пространстве... (речь шла о территории от Карпат до Камчатки - Авт.) говорит одним и тем же русским языком, лишь одни с одним выговором, а другие - с другим»[28].

Все это очень тревожило австрийское правительство, не без оснований опасавшегося, что языковая близость восточных провинций Австрийской империи с Россией, в конце концов приведет к их воссоединению. Ещё в начале XIX века, когда львовский митрополит обратился к властям с просьбой разрешить преподавать в народных школах для галицко-русского населения на местном наречии (языком обучения тогда являлся польский), галицкий губернатор Гауер ответил, что такая мера нежелательна по «политическим причинам», поскольку народные говоры галичан являются «разновидностью российского языка»[29].

В том же духе высказался позднее наместник австрийского императора в Галиции граф Голуховский (поляк по национальности). Он заявил, что введение в галицкие школы народного языка будет стимулировать интерес учащихся к произведениям русской литературы, усилит тяготение населения к России, даст «лозунг к русификации края» и, в конце концов, приведёт к воссоединению галицких земель с Россией[30].

Австрийское правительство всячески препятствовало распространению в стране книг на русском языке, запрещало их ввоз из

России. Когда в 1837 году М.С.Шашкевич, Я.Ф.Головацкий, И.М.Вагилевич выпустили знаменитый впоследствии сборник «Русалка Днестровая», власти конфисковали весь его тираж (кроме нескольких десятков экземпляров, которые удалось спрятать), а издателей обвинили в русофильстве.

Одним словом, вплоть до середины XIX века австрийская политика в восточных провинциях империи была направлена на поддержку здесь польского влияния. Из сознания жителей Галицкой, Буковинской, Угорской Руси (Угорской Русью называлось Закарпатье) пытались вытравить само имя «русский», стремились заставить их забыть общность происхождения с остальной Русью, слить с поляками. Так продолжалось до 1848 года.

Вспыхнувшая в этом году революция смела запретительные барьеры и способствовала национальному возрождению всех населявших Австрийскую империю народов. Затронул этот процесс и Галицию. Но если активизация здесь польского национального движения вылилась в революционные выступления против австрийцев (вплоть до организации восстания), то русские галичане, отчасти потому, что были проникнуты консервативными настроениями, отчасти из-за нежелания поддерживать поляков, в волнениях не участвовали.

Это обстоятельство натолкнуло правительственных чиновников на мысль использовать русско-польские противоречия в своих целях. Глава австрийской администрации в Галиции граф Ф.С.Стадион фон-Вартгаузен вызвал к себе представителей русского движения и заявил им, что если галичане будут по-прежнему считать себя одной нацией с великороссами, то властям не останется ничего другого, кроме как договориться с поляками и вместе бороться с русскими. Однако, в случае согласия галицко-русского населения объявить себя самостоятельной национальностью, оно может рассчитывать на помощь Вены и лично его, графа Стадиона.

В тогдашних условиях у галичан не было выбора. Появилось на свет заявление: «Мы - не русские, мы – рутены», провозглашавшее существование отдельной «рутенской» народности (наименование «украинцы» было пущено в ход позднее). Помимо чисто политических обещаний верности австрийскому императорскому дому, представители русских галичан брали на себя обязательство вырабатывать самостоятельный литературный язык, отличный от принятого в России. Со своей стороны, власти поддерживали «рутенов», используя их против поляков. Интересно, что некоторое время Вена колебалась между двумя вариантами: создавать из галичан совершенно независимую народность или признать их национальное единство с русскими и малороссами и «творить» малорусскую нацию. После споров и сомнений остановились на втором варианте, который позволял не только защититься от русской угрозы в Галиции, но и, при благоприятном стечении обстоятельств, присоединить к Австрии часть российской Малороссии.

Но жизнь очень скоро разрушила теоретические построения австрийских политиков. В 1849 году само существование Австрийской империи оказалось под угрозой из-за венгерской революции. Потерпев поражение в битвах с восставшими, австрийцы вынуждены были обратиться за помощью к России.

Николай I двинул армию против революционеров. Пути русских войск пролегали через Галицию и Закарпатье, где они были восторженно встречены населением.

«Чем глубже проникали мы в Галицию, тем радушнее встречали приём не только от крестьян, но и со стороны интеллигенции… - вспоминал участник похода П.Алабин. - Нас ждала, нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашем вступлении в Галицию партия русинов, составляющих три части всего населения Галиции». П.Алабин свидетельствовал, что, несмотря на то, что в

говоре галичан ощущались польские языковые влияния, русские солдаты и местные жители хорошо понимали друг друга. «Русский народ в Галиции все время польского над ним владычества хранил неприкосновенно свои обычаи, свой русский язык, конечно, несколько в искажённом виде (на котором теперь пишутся, однако, стихи, песни, значительные литературные произведения, учебники, даже издается газета «Зоря Галицка»), - но религия его предков исказилась унией. Впрочем, униатские ксендзы русинов, может быть, разделяя сочувствие к нам своей паствы, по-видимому, искренно нам преданы. Многие из них приходили поближе познакомиться с нами, откровенно нам высказывая, что они гордятся нами, как своими братьями, перед немцами и поляками и сопровождали нас приветами и благословениями»[31].

О том же писал крупнейший закарпатский краевед П.Сова, который отмечал, что обстановка вокруг русской армии в Закарпатье была такова, что «многие солдаты были даже убеждены, что они находятся ещё в России, и спрашивали, где ж будет, наконец, земля неприятельская, мадьярская»[32].

Национальное единство галичан и угрорусов с остальными частями русского народа было наглядно продемонстрировано еще раз. Многие жители Галиции, Закарпатья и Буковины надеялись, что Россия использует благоприятный момент и включит в свой состав эти земли. Но император Николай I, выполняя свои обещания, не стал покушаться на владения австрийского монарха. Подавив революцию, русские войска покинули территорию соседнего государства.

Тем не менее, русское (именно русское, а не «рутенское» или «украинское») возрождение продолжалось. Особенно заметно это было в литературной жизни. «Едва начала Русь в Австрии возрождаться, оказалось, что её литература не ступит ни шагу без словаря Шмидта, что этот словарь русский как для Львова, так и Петербурга, что в нем

собраны сокровища действительно литературного, письменного языка»[33] - отмечала галицкая пресса.

Вена терпела происходящее несколько лет. Власти даже стали издавать в Галиции печатный орган «Вестник краевого правительства», где рядом с текстом указов и распоряжений на государственном немецком языке для местного населения публиковался их перевод на народный язык, близкий к русскому литературному. Но стоило России в 1854 году подвергнуться соединенной англо-франко-турецкой агрессии, поведение Австрии резко переменилось.

Даже закоренелые русофобы были удивлены черной неблагодарностью, проявленной австрийским императором Францом-Иосифом по отношению к стране, только что спасшей его от революции. 200-тысячная армия была направлена к границам России, а Петербургу предъявлен ультиматум: уступить требованиям интервентов. (Кстати сказать, именно позиция Австрии сыграла определённую роль в неблагоприятном для Российской империи исходе Крымской войны).

Резко изменилась и национальная политика Вены. Стали закрываться русскоязычные газеты. На галицко-русских общественных деятелей оказывалось давление. Их вновь пытались заставить отказаться от единства с Россией, изменить свой язык, сделав его непохожим на русский литературный язык, упрекали в нарушении обещаний 1848 года. «Рутены не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении»[34], - заявил наместник Франца-Иосифа в Галиции А.Голуховский.

Галичане оправдывались, объясняли сложившуюся языковую ситуацию объективной реальностью. «Что наш язык похож на употребляемый в Москве, в том мы невинны, - говорил на заседании

галицкого сейма выдающийся писатель и общественный деятель священник Иоанн Наумович. - Похожесть нашего языка с московским очевидна, потому что они оба опираются на общие основания и правила». И.Наумович напоминал, какой огромный вклад в разработку русского литературного языка внесли малорусы, и пояснял, что, принимая этот язык, «мы берём назад свою собственность. Похожесть нашего языка с языком всей Руси не уничтожит никто в мире - ни законы, ни сеймы, ни министры».[35]

Но в Вене не желали слушать аргументы и объяснения. Власти принялись спешным образом создавать «рутенское» движение (австрийскую разновидность украинофильства), которое приняло название «молодой Руси». В противовес старорусской партии, исповедовавшей «старые» взгляды о национальном единстве малороссов, великороссов и белорусов, «молодые» признавали свое родство лишь с российским и малороссами и силились отмежеваться от остальных ветвей русской нации. С этой целью они провозгласили строительство самостоятельной малорусской литературы и языка.

Новое движение сразу же получило поддержку властей. В то время как «старорусов» подвергали всевозможным преследованиям, деятельность «молодых» протекала в атмосфере наибольшего благоприятствования. О них заботились, их щедро финансировали и, главное, натравливали на местных «кацапов», «москалей», «предателей» (как обзывала сторонников национального единства с Россией правительственная пропаганда). «Пустить русина на русина, дабы они сами себя истребили»[36] - так в узком кругу формулировал эту политику граф Голуховский.

Но как ни старались «молодые рутены» приобрести влияние среди местного населения, как ни помогали им в этом представители властей, все попытки заканчивались провалом. Убедившись в бессилии

«молодых», Вена обратилась за помощью к деятелям польского движения.

Справедливости ради, надо сказать, что поляки (успевшие после революции 1848 года помириться с австрийцами) восприняли рутенскую затею без энтузиазма. Они хотели видеть Галицию исключительно польской, и если русское движение вызывало у них ненависть, то рутенское – насмешку («рутенская национальность» была для них выдумкой графа Стадиона и ничем больше). Лишь вмешательство польских эмигрантов из России побудило галицких поляков принять участие в австрийских замыслах. Специально прибывший в Галицию из Парижа один из лидеров польского движения Генрих Яблонский (уроженец Российской Малороссии) объяснил местным соратникам выгоду, которую можно извлечь из «рутенов». По его словам, вместо насмешек и отрицания «рутенской нации», следует «прививать у них сознание национальной отдельности от великороссов для солидарной деятельности против России»[37].

Уже в XX веке, после восстановления независимой Польши, об этом же напишет другой известный польский деятель, соратник Ю.Пилсудского В.Бончковский. Он заявлял, что для поляков не имеет значения, действительно ли существует отдельная украинская народность или это только этнографическая разновидность русской нации: «Если бы не существовал украинский народ, а только этнографическая масса, то следовало бы помочь ей в достижении национального сознания. Для чего и почему? Потому, чтобы на востоке не иметь дела с 90 млн. великороссов плюс 40 млн. малороссов, неразделённых между собой, единых национально»[38].

Поляки взялись за «розбудову» малорусской (украинской, рутенской) нации и, прежде всего, за создание «самостийного» украинского языка. «Все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не

мазурской или польской, нет, но исключительно нашей, русской, чтобы при содействии русских изменников создать новый русско-польский язык»[39] – вспоминал крупнейший писатель Угорской Руси (Закарпатья) А.И.Добрянский.

Начали с правописания. Поначалу просто хотели перевести всю письменность в Галиции, Буковине и Закарпатье на латинский алфавит. Но массовые протесты населения и сознание, что все-таки нужно создавать самостоятельный язык, а не сливать местные наречия с языком польским, заставили отказаться от таких намерений. Тогда взялись за "реформирование" грамматики. Из алфавита были изгнаны буквы «ы», «э», «ъ», введены буквы «є» и «ї», а чтобы население признало перемены, измененный алфавит приказом сверху завели в школах. Целесообразность этой азбучной «реформы» мотивировалась тем, что подданным австрийского императора «и лучше, и безопаснее не пользоваться тем самым правописанием, какое принято в России»[40].

Затем настал черед лексики. Из литературы и словарей изгонялось всё, что хоть отдаленно напоминало русский язык. Образовавшиеся пустоты заполнялись заимствованиями из польского, немецкого и других языков или просто выдуманными словами. «Большая часть слов, оборотов и форм из прежнего австро-рутенского периода оказалась «московскою» и должна была уступить место словам новым, будто бы менее вредным, - рассказывал о том времени один из бывших украинофилов. – «Направление» - вот слово московское, не может дальше употребляться - говорили «молодым», и те сейчас ставят слово «напрям». «Современный» - также слово московское и уступает место слову «сучасный», «исключительно» заменяется словом «выключно», «просветительный» - словом «просвітний», «общество» - словом «товариство» или «суспільство»...[41].

Непосредственно за «чисткой» языка надзирал польский деятель Ян Добжанский, обращавший особое внимание на школьные учебники. Он

проявил чрезвычайное усердие, и после тотальной проверки всех учебных книг всё ещё не мог успокоиться, ему продолжало казаться, что «в учебниках школьных остались «москвитизмы»[42].

Напрасно конференции народных учителей, состоявшиеся в августе и сентябре 1896 года в Перемышлянах и Глинянах, отмечают, что после массовых замен одних слов другими и «реформы правописания школьные учебники стали непонятны не только для учащихся, но и для учащих. Напрасно заявляют они, что теперь «необходимо издание для учителей объяснительного словаря»[43]. Польские реформаторы галицко-русского наречия непреклонны. Недовольных учителей исключают из школ. Чиновников, указывающих на абсурдность «перемен», смещают с должностей. Писателей и журналистов, упорно придерживающихся «дореформенного» правописания и лексики, объявляют «москалями» и подвергают травле. «Наш язык идёт на польское решето, - замечал И.Наумович. - Здоровое зерно отделяется как московщина, а высевки остаются нам по милости»[44].

В этом отношении интересно сопоставить первые и последующие издания сочинений Ивана Франко. Многие слова из произведений писателя, изданных в 70-80-е годы XIX века: «взгляд», «воздух», «войско», «вчера», «жалоба», «много», «невольник», «но», «образование», «ожидала», «осторожно», «переводить», «писатель», «сейчас», «слеза», «случай», «старушка», «угнетенный», «узел», «хоть», «читатели», «чувство» и многие другие в позднейших изданиях оказались замененными на «погляд», «повітря», «військо», «вчора», «скарга», «багато», «невільник», «але», «освіта», «чекала», «обережно», «перекладати», «письменник», «зараз», «сльоза», «випадок», «бабуся», «пригноблений», «вузол», «хоч», «читачі», «почуття» и т.д.[45]

«Франкознавцы» потом поясняли, что Иван Яковлевич сделал это для того, чтобы его произведения стали понятными не только в Галиции, но и по всей Украине. Вряд ли такое объяснение можно

признать удовлетворительным. Если слова «писатель», «много», «угнетенный» и др. были понятны галичанам, то уж тем более понимали их на Востоке Украины.

Известно и другое. Молодой, ещё не заполитизированный Франко писал тем языком, какой слышал в народе, и не отделял себя от русской (общерусской) культуры. Позже, увлёкшись политикой, он поддержал создание нового языка и стал «чистить» свои сочинения от «устаревших» слов. Всего в 43 проанализированных специалистами произведениях, вышедших при жизни автора двумя и более изданиями, насчитали более 10 тыс. (!) изменений[46].

Причем не все они сделаны лично писателем. Иван Яковлевич не успевал уследить за всеми тонкостями австро-польской языковой политики и часто не знал, какое из народных слов еще можно считать родным, а какое уже объявлено «москализмом». Поэтому он вынужден был принимать «помощь» «национально-сознательных» редакторов, которые, конечно, старались вовсю.

После смерти классика украинской литературы выпестованные польско-австрйской школой «мовознавцы» посчитали необходимым провести полную ревизию его творчества, чтобы «научно проверить и исправить язык и стилистику Франко»[47], распространив «правки», сделанные в отдельных произведениях, на всё им написанное.

История с И.Я.Франко неоригинальна. Филологи из «гнезда» Франца-Иосифа коверкали («исправляли») и сочинения других местных писателей, а затем занялись также творчеством литераторов из российской Украины, пишущих на малорусском наречии. «Коррекции» (часто даже без ведома авторов) подверглись изданные в Галиции произведения М.М.Коцюбинского, И.С.Нечуя-Левицкого, П.А.Кулиша, В.К.Винниченко и других. Постепенно новый язык стали экспортировать через границу в Киев, Чернигов, Харьков, знакомя тамошних украинофилов с галицкими языковыми «реформами». Когда

же в 1905 году в Российской империи отменили действие Эмского указа, австро-польские филологи сочли, что настал момент для настоящего «крестового похода» против русского языка в Украине. Тем более, что в самой России определённые силы обещали поддержку осуществлению этих планов.

Во главе похода встал львовский профессор Михаил Грушевский, командированный в свое время в Галицию российскими украинофилами для координации действий с «молодыми» рутенами. Теперь профессор собрался вернуться назад на белом коне.

«Чертовщина под украинским соусом»

Затрагивая вопрос об украинском языке, современные борцы за «права рідної мови» часто ссылаются на записку «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», составленную в 1905 году от имени Российской Императорской Академии Наук. Дескать, вот какое солидное учреждение признало самостоятельность малорусского языка!

Между тем, к науке вообще и к Российской Академии Наук в частности эта записка имеет весьма отдаленное отношение. Комиссия, действительно созданная на академической конференции для рассмотрения вопроса о малорусском слове, фактически к работе не приступала. Из семи её членов четверо – зоолог В.В.Заленский, археолог А.С.Лаппо-Данилевский, ориеталист С.Ф.Ольденбург и ботаник А.С.Фоминцин как не специалисты в области славянской филологии самоустранились от работы. Не принимал участия в деятельности комиссии и пятый академик - Ф.Ф.Фортунатов, хотя его специализация соответствовала рассматриваемому вопросу. Заинтересованность проявили только двое - Ф.Е.Корш и А.А.Шахматов, известные привычкой подгонять результаты научных исследований под заранее определенные политические цели. Для подмоги себе вышеуказанные деятели выписали (уже без конференции Академии Наук) группу украинофилов – А.И.Лотоцкого, П.Я.Стебницкого, М.А.Славинского и других. Эта-то компания и состряпала соответствующую записку, переполненную, как установили потом объективные исследователи, подтасовками и передёргиванием фактов[48].

Остальные же члены комиссии, будучи людьми либеральных взглядов и выступая против стеснений печатного слова в принципе (всё равно – украинского, общерусского или любого другого), подписали предложенный им текст, не вникая в подробности. Так потуги кучки политиканов, большинство из которых ничего общего с академической наукой не имело, были выданы (и выдаются до сих пор) за официальное научное мнение.

Конечно, не «Записка Академии Наук», тендиционность которой бросалась в глаза, определила судьбу малорусского книгопечатания. Решение о снятии прежних ограничений было принято ещё до её составления, и к академикам обратились лишь для того, чтобы подкрепить это решение научными аргументами. С таковой задачей авторы записки не справились. Министр народного просвещения В.Г.Глазов в специальном меморандуме отметил слабость «академической» аргументации, неубедительность и даже ошибочность многих положений «мнения Академии Наук». Указывал он и на необоснованность утверждения составителей записки о возможности «поднять умственный горизонт малорусских крестьян новым литературным языком». «Мы видим, - констатировал министр, - что в Галиции этот подъём проявился на развалинах русской церкви, русской школы и русской народности с пользой только для ультрамонтанства, социал-демократии и атеизма. Не грозит ли и нам то же самое, хотя и в иной, быть может, форме. Нелишне при этом отметить, что крестьяне немецкие, французские и английские, насколько известно, развиваются

путём школы и популярной литературы на языках общих – немецком, французском, английском, а не на диалектах Швабии, Прованса, Уэльса».

Как отмечал Глазов, «малороссийский язык как язык народа вполне удовлетворяет его несложные потребности; он превосходен в поэзии, воспевающей природу и общечеловеческие чувства, но он вовсе не пригоден, точнее говоря - беден для современного образованного общества». Поэтому «искусственное развитие украинско-русского языка под немецко-польско-интернациональным воздействием» в Галиции, попытка превратить народные говоры в язык культуры и образования, «влечёт к необходимости заимствований из других языков - польского или немецкого, или заставляет некоторых писателей изобретать слова, результатом чего является «искусственность» языка или такое разнообразие, при котором язык становится иногда неудобнопонятным».

Министр признавал, что распространяемый в Галиции язык, «искусственно создающийся в формах, тенденциозно удаляющихся от общерусского языка, является врагом последнего» и что «возникновение и распространение его не вызывается какими-либо естественными стремлениями и потребностями южнорусского населения»[49]. Тем не менее, он не видел ничего страшного в том, чтобы разрешить тем, кто этого хочет, издавать на таком языке не только художественную, но и научно-полярную литературу, а также печатать газеты и журналы. Исходя из этого, Глазов предлагал отменить Эмский указ (о «валуевском циркуляре» не вспоминали, потому что он уже давно не действовал), что и было сделано.

Таким образом, на отмену ограничений малорусского печатного слова «Записка Академии Наук» влияния не оказала. Её значение состояло в другом. Сам факт появления такого документа показал кому

следует в Вене, что внутри России им будет на кого опереться, добавил уверенность в успехе языковым «крестоносцам».

С началом профинансированного австрийским правительством «крестового похода» (в 1906 году) в Киеве, Харькове, Полтаве, других городах Малороссии стали основываться «украиноязычные» газеты и издательства. В Россию хлынул поток соответствующей литературы. Сотни пропагандистов «национальной идеи» наводнили украинские города и села.

Оправдались и ожидания на помощь изнутри. Подсчитав, что ослабление позиций русской культуры на Украине повлечет за собой ослабление позиций здесь государственной власти («царского режима»), российская оппозиция бурно приветствовала «крестоносцев» как «братьев по борьбе» и оказала им всяческое содействие. Трудности возникли совсем с другой стороны.

Новый язык, с огромным количеством включенных в него польских, немецких и просто выдуманных слов, ещё мог при поддержке властей кое-как существовать в Галиции, где малороссы долгое время жили бок о бок с поляками и немцами, под их управлением и понимали польскую и немецкую речь. В российской Украине дело обстояло иначе. На придуманную за границей «рідну мову» смотрели как на какую-то абракадабру. Печатавшиеся на ней книги и газеты местные жители не могли читать. Не помогло ни разъяснение отдельных слов, ни регулярно публикующиеся в прессе указания, что букву «и» следует читать как «ы», букву «є» - как «йе», а «ї» - как «йі». Даже активисты украинофильского (украинского) движения заявили, что не понимают такого языка и засыпали Грушевского просьбами вместе с газетами и книгами присылать словари.

«То, что выдается теперь за малороссийский язык (новыми газетами), ни на что не похоже, - в раздражении писал украинской писательнице Ганне Барвинок известный театральный критик и щирый

украинофил В.Д.Горленко. – Конечно, эти господа не виноваты, что нет слов для отвлечённых и новых понятий, но они виноваты, что берутся за создание языка, будучи глубоко бездарны. Я получаю полтавский «Рідний край» и почти не могу его читать»[50].

Непонятность для народа нового языка сознавал и другой ярый украинофил Н.Ф.Сумцов, хотя и склонен был винить в этом российское правительство. В записке, подготовленной под председательством Сумцова специальной комиссией Харьковского университета (которая занималась вопросом «о малорусском слове» параллельно с комиссией Академии Наук), признавалось, что «малорусский язык в лингвистическом отношении представляет наречие русского языка» и что раньше язык украинской литературы (проза Квитки, поэзия Шевченко) стоял «близко к русскому». Затем, по мнению Сумцова и его коллег, из-за запретов и гонений (имелся в виду Эмский указ) центр украинской литературной жизни переместился в Австро-Венгрию. В итоге «изгнанная в Галицию украинская литература неизбежно усвоила себе такие элементы сравнительно далёких галицко- и угорско-русских наречий и подвергалась таким немецким и польским влиянием, которые внесли много новых слов, новых понятий, новых литературных оборотов и приёмов, чуждых русской литературной речи». И теперь «коренные украинцы с грустью будут вспоминать об изящной простоте и чистоте языка Квитки и Шевченко, и долго ещё сохранится память о тяжких судьбах прожитого сорокалетия»[51].

Между тем, как известно, художественной литературы Эмский указ не касался, поэтому попытки свалить вину за перемену литературного языка на прежние запреты были беспочвенны.

Гораздо ближе подошёл к истине ещё один украинофильский деятель, чьё письмо опубликовал львовский журнал «Літературно-науковий вісник», главный на то время орган украинского движения. «Вы, русины, - отмечал автор письма, - думаете по-польски и переводите дословно свою мысль по-русински, и то не все слова переводите, а многое оставляете без перевода в польском первоисточнике, так точно мы думаем по-русски, а переводим дословно по-украински... Таким образом, вырабатывается двуязычие галицкое и украинское; вы мало понимаете наш язык, а мы - ещё меньше того ваш»[52].

Зачем людям, думающим по-польски или по-русски, искусственно создавать ещё один язык? Такого вопроса в «национально-сознательной» голове не возникало. Да и ответ на него пришлось бы искать за пределами литературы и языкознания - в большой политике, в которой одурманенные своими вождями рядовые приверженцы «национальной идеи» не разбирались.

Не разбирался в политике и украинский писатель Иван Семенович Нечуй-Левицкий. Он просто говорил то, что думал. А потому решительно выступил против «крестоносцев» Грушевского.

Убеждённый приверженец создания нового литературного языка, отличного от общерусского, сам не безгрешный по части выдумывания слов, «старый Нечуй» считал торопливость тут недопустимой, т.к. слишком большого количества нововведений народ «не переварит»[53].

Писателя возмущало искусственное введение в оборот «крестоносцами» огромного числа польских и выдуманных слов, которыми заменялись народные слова. Так, вместо народного слова «держать» Грушевский и К° пропагандировали слово «тримати», вместо народного «ждать» - слово «чекати», вместо слова «поїзд» - «потяг», вместо «предложили» - «пропонували», вместо «ярко» - «яскраво», вместо «кругом» - «навколо» и т.д. Известное ещё из языка киевских средневековых учёных слово «учебник» австро-польские выкормыши заменили на «підручник», «ученик» - на «учень», вместо «на углу» пишут «на розі» («и вышло так, что какие-то дома и улицы были с рогами», чего нигде на Украине я ещё не видел»[54]), вместо «разница»

вводят «різниця», вместо «приданое» - «посаг», вместо «война», как говорит народ Украины, употребляют «війна», вместо «одежда» - «одяг» и т. д.[55].

И.С.Нечуй-Левицкий пояснял, что в основе таких замен лежит желание сделать новый литературный язык как можно более далёким от русского. «Получилось что-то и правда, уж слишком далекое от русского, но вместе с тем оно вышло настолько же далёким от украинского»[56].

Не соглашался Иван Семенович и с тем, что букву «с» в предлогах и приставках всюду заменили на «з», по польскому образцу: «з тобою» вместо «с тобою», «розходиться» вместо «росходиться» и т.п. Такая же участь постигла приставку и предлог «од» (в сущности, это было всё то же русское «от», но, будучи украинофилом, Нечуй-Левицкий предпочитал писать букву «д», чтобы все-таки отделиться от русского литературного языка), а также окончание «ть», уступившие место соответственно приставке (предлогу) «від» к окончанию «ти» («відкрити», «відгоняти», «ходити» вместо действительно народных «одкрыть», «одгонять», «ходить»).

Польским влиянием объяснял писатель введение падежных форм «для народу», «від синоду», «без загону», «з потоку», «такого факту», в то время как на Украине говорят: «для народа», «од синода», «без закона», «с потока», «такого факта». Крайне возмущала его и «реформа» правописания с введением апострофа и буквы «ї»: «Крестьяне только глаза таращат и всё меня спрашивают, зачем телепаются над словами эти хвостики»[57].

Классик украинской литературы настаивал на том, что украинский литературный язык нужно создавать на основе приднепровских народных говоров, а не галицкой говирки, «переходной к польскому языку со множеством польских слов»[58], к которой добавляют ещё «тьму

чисто польских слов: передплата, помешкання, остаточно, рух, рахунок, рахувать, співчуття, співробітник»...[59].

Как заявлял Иван Семенович, в Галиции слишком сильны польское, еврейское, немецкое языковое влияние, а потому «во Львове нельзя научиться украинскому языку, а можно только утратить свой чистый украинский язык окончательно»[60].

«Грушевский как будто издевается над языком украинских писателей»[61], - отмечал Нечуй-Левицкий и предупреждал, что «крестоносцы» (он называл их «языковыми оборотнями»[62]) своим стремлением навязать украинцам «смешной, чудной и непонятный» псевдо-украинский язык («чертовщину под якобы украинским соусом»[63]) только вредят делу развития украинской культуры и образования. Именно в этом неудачном языке видел он причину того, что украинцы не читают украинских книг и газет. «Всё это несчётное множество напханых польских слов, нахапаных из галицких книжек наугад, всякие галицкие чудные слова, все эти галицкие правописные значки и точки, - это же настоящие ружья и пушки, которыми газетные писатели отгоняют украинскую широкую публику от украинской литературы»[64] - констатировал «старый Нечуй».

Мало того, он сравнивал такую «рідну мову» с пулей, выстреленной по украинцам: «В Берлине во время революции 1848 года после того, как король повелел стрелять из пушек по толпе людей на площади, одна пуля застряла в стене на самом углу одного дома. Какой-то искусник ночью прилепил на этой пуле листок бумаги с надписью: «Моему любимому народу». Такую же надпись можно было бы применить для нашего украинского новоязычия: «Нашему любимому украинскому народу»[65].

Следует ещё раз подчеркнуть: И.С.Нечуй-Левицкий был убеждённым украинским националистом и не менее австрийских «крестоносцев» хотел вытеснить с Украины русский язык. Но, стиснув

зубы и скрепя сердце, он вынужден был признать, что этот язык всё же понятнее и ближе украинцам, чем «тарабарщина» Грушевского и Ефремова.

Иван Семёнович не открывал Америки. О том, что «новый украинский» литературный язык, сочиняемый из политических соображений, с помощью выдуманных («выкованных») слов и иностранщины, не понятен украинцам, предупреждали до него Н.И.Костомаров, П.А.Кулиш, М.М.Коцюбинский (последний, правда, не желая портить отношений с галицкими деятелями, предпочитал публично не выступать, сокрушаясь по поводу отрыва новейших писателей от живого народного языка только в частной переписке, и лишь однажды обмолвился в печати, что галицкая ветвь малорусского народа «в силу своей политической обособленности от корня народного организма, питается в известной степени чужими соками, влияние которых отразилось и на характере созданной в Галиции письменности»[66]).

Тем не менее, выступление «старого Нечуя» вызвало в среде «крестоносцев» шок. В отличие от Костомарова и Кулиша (к тому времени уже покойных), он был живым классиком украинской литературы. И в отличие от Коцюбинского (который в письмах к Ивану Семёновичу полностью его поддерживал, но на публике помалкивал, а когда «крестоносцы» набрали силу, стал, по их указке, коверкать собственные сочинения, меняя, например, «темноту» на «темряву», «метелицу» на «хуртовину», «согласно» на «у згоді» и т.д.[67], Нечуй-Левицкий не отмалчивался. На него нельзя было навесить ярлык «великорусского шовиниста» или «объянычарившегося малороса», что обычно делали (и делают до сих пор) «национально – сознательные» деятели по отношению к своим идейным противникам.

Невозможно было обвинить писателя и в «незнании украинского языка» или просто замолчать его выступление. Требовалось отвечать и как можно быстрее.

М.С.Грушевский вынужден был оправдываться, заявлять, что хотя язык, который он пытается насадить на Украине, действительно многим непонятен, «много в нём такого, что было применено или составлено на скорую руку и ждёт, чтобы заменили его оборотом души» но игнорировать этот «созданный тяжким и трудами» язык, «отбросить его, спуститься вновь на дно и пробовать, независимо от этого «галицкого» языка, создавать новый культурный язык из народных украинских говоров приднепровских или левобережных, как некоторые хотят теперь, - это был бы поступок страшно вредный, ошибочный, опасный для всего нашего национального развития»[68].

Другой галицкий деятель – М.Пачовский, в ответ на выступление И.С.Нечуя-Левицкого отмечал, что население российской Украины «несознательное». Дескать, называют себя русскими, интересуются русской литературой и даже крестьяне считают свои говоры «мужицкой» разновидностью русского языка. В общем, нет в российской Украине ни украинского общества, ни украинской жизни. «Только будто в чужом краю по углам работают единицы»[69]. А потому, как считал Пачовский, приоритет в создании единого для всей Украины литературного языка должен принадлежать не «несознательному» Приднепровью, а Галиции, где существуют украинские школы, которые готовят «национально-сознательную» молодёжь. О том, что эти «украинские школы» насильно навязаны галичанам австрийской властью вместо русских школ, галицийский украинофил, естественно, умалчивал.

Вступился за новый язык и деятель из российской Украины И.М.Стешенко, будущий генеральный секретарь (министр) просвещения в правительстве Центральной Рады. По его мнению,

«национально-сознательные» галичане просто вынуждены были взяться за создание нового литературного языка, поскольку украинцы российской части Украины этим заниматься не хотели. Коренных жителей Центральной и Восточной Украины, «даже сознательных патриотов», вполне устраивал русский язык. Для них в сочинении особого украинского языка «не было нужды». «И вот галицкие литераторы берутся за это важное дело. Создаётся язык для институций, школы, наук, журналов. Берется материал и с немецкого, и с польского, и с латинского языка, куются и по народному образцу слова, и всё вместе дает желаемое - язык высшего порядка. И, негде правды деть, много в этом языке нежелательного, но что было делать?»[70].

Впрочем, уверял Стешенко, язык получился «не такой уж плохой». В том, что он непривычен для украинцев, нет ничего страшного. «Не привычка может перейти в привычку, когда какая-то вещь часто попадает на глаза или вводится принудительно. Так происходит и с языком. Его неологизмы, вначале «страшные», постепенно прививаются и через несколько поколений становятся совершенно родными и даже приятными»[71]. В Галиции новый язык тоже был принят не сразу, но после введения в школы приказом сверху, с течением времени «сросся с душою галичан, стал её содержанием. Может плохим? Не спорю. Но содержанием - единственно возможным»[72].

«Таким образом, - призывал «национально-сознательный» деятель, - если хотим понимать язык, то возьмемся за словари и другие источники - ничего тут страшного, никакого стыда нет»[73]. Не смущал его и даже тот факт, что на новом «украинском литературном языке» никто на Украине не разговаривает. Хоть «правда и то, что литература должна существовать для публики, но бывают такие эпохи, в истории, как теперь у нас, что скорее приходится не иметь публики и нести потери, но дело своё делать»[74].

Что эта за «рідна мова», на которой никто не говорит и которую надо изучать при помощи словарей, будущий министр не объяснял. Да никто и не требовал объяснений. Стешенко просто не приняли всерьез. О принудительном введении отстаиваемого им языка в то время (брошюра Стешенко вышла в 1912 году) не могло быть и речи. Мало кто предполагал, что ожидает страну через несколько лет.

«Нестор Іванович, чому так вийшло?»

Все изменилось после революции. Дорвавшись до власти (сначала в роли ставленников Временного правительства, а затем и в качестве самостийных правителей), Грушевский и Ко принялись украинизировать Малую Русь такими методами и темпами, что вызывали нарекания даже со стороны своих более цивилизованных единомышленников.

Известный украинофил В.П.Науменко, всю жизнь положивший на утверждение «украинского литературного языка», пытался образумить украинизаторов, но лишь накликал на себя обвинения в симпатии к «русским шовинистам»[75].

Другой виднейший деятель украинофильского движения, крупный учёный профессор Н.П.Василенко также протестовал против попыток принудительно навязывать населению украинский язык. Он опасался, что насильственная украинизация только навредит новому языку и будет мешать «проникновению его в народную толщу». Как указывал Василенко, насильственные меры «диктуются скорей неверием в силу и способность украинского языка развиваться естественным путём и получить значение языка национального»[76]. В результате, и этот украинофил был зачислен кампанией Грушевского во враги «украинского национального дела».

«Руководители украинского движения настаивают на введении в Украине особого государственного языка и притом такого, который бы не явился продуктом органического развития, но искусственно создан с определенным и ясным расчётом на то, чтобы сделать его возможно менее похожим на общерусский язык. С этой целью в него включено множество слов и форм, чуждых не только великорусскому, но и малорусскому языку, что делает его мало понятным даже и для малорусского населения. Стремление к замене общерусского литературного языка в будущей Украине таким искусственно созданным и недостаточно ещё разработанным языком грозит задержкою развития образованности того народа, который вынужден, будет им пользоваться»[77] – предупреждали профессора Киевского университета в своём «Протесте против насильственной украинизации Южной России».

Сам академик А.А.Шахматов заявил, что если бы знал, во что выльется внедрение нового языка, то никогда не стал бы помогать этому процессу[78].

Но раскаяние известного фальсификатора запоздало. Ни упрёков, ни протестов, ни предостережений новые властители Украины не слушали. Мова силой вводилась повсюду: от вузов до магазинных вывесок. «Наверное, ещё нигде в мире не было такого, что наблюдаем мы сейчас на Украине; наверное, нигде сразу столько людей не училось новому для себя языку, как учатся сейчас украинскому языку. Это неслыханное в истории явление, это одна из самых больших побед порабощённого народа, который ломает свои вековые путы»[79] – восторженно писала украинофильская пресса.

Не забыли поквитаться и с И.С.Нечуй-Левицким. Лишённый всех средств к существованию, писатель умер в апреле 1918 года в полной нищете в одной из киевских богаделень, так и не дождавшись

обещанной пенсии от «украинского правительства». (Между прочим, царское правительство пенсию ему платило).

Однако сводить счёты с отдельными людьми оказалось легче, чем заставить целый народ признать чуждый ему язык «рідной мовой». Даже печатные органы украинского движения признавали, что не только интеллигенция и рабочие в «русифицированных городах», но и крестьяне по сёлам требовали сохранения для своих детей в школе преподавания на русском языке и выступали против украинизации, поверив «тем врагам народа, которые нападали на наш язык и насмехались над ним»[80].

На состоявшихся в 1918 году всеукраинских съездах учителей и журналистов отмечалось, что крестьяне, собираемые на сельские сходы, не понимают нового украинского языка и часто после выслушивания речей правительственных уполномоченных на «державной мове» требуют перевести сказанное на русский язык[81]. «Новые законы... деревенское население не в состоянии усвоить по официальному тексту и оно ждёт русского перевода»[82] – подчёркивалось и в направленном в Киев сообщении «Союза хлеборобов Полтавщины».

Знаменитый «батько» Махно в написанных уже в эмиграции мемуарах вспоминал, что когда агитаторы Центральной Рады на митингах пропагандировали идею борьбы с «кацапами-гнобителями мови», то «такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского единения украинского народа с русским»[83]. Нестор Иванович, наверное, и представить себе не мог, что спустя десятилетия некоторые публицисты его самого будут выставлять борцом за «украинскую национальную идею».

Красному командиру Боженко, памятному людям старшего поколения по кинофильму «Щорс», как-то пришлось решать вопрос о показе украинского спектакля. (Время тогда было такое, что деятельность театров зависела от усмотрения контролировавшего

соответствующую территорию). Посетив репетицию, Боженко вынес «вердикт»: «Пьесу разрешаю, но запрещаю как написанную на контрреволюционном языке». Иными словами, не имея претензий к содержанию пьесы, коренной украинец, уроженец глухого села Василь Боженко, в отряде которого в основном находились украинские крестьяне, посчитал язык, на котором собирались ставить спектакль (то есть ту самую «рідну мову») выдумкой Петлюры. Об этом случае на заседании Союзного ЦИК рассказал В.Затонский[84].

Уместно привести и строки из воспоминаний В.К.Винниченко, возглавлявшего правительство Центральной Рады и петлюровской Директории. В январе 1918 года, спасаясь от наступающих красных отрядов, он бежал из Киева и, выдавая себя за обычного гражданина, восемь дней провёл в поезде, тесно общаясь с крестьянами, рабочими и солдатами. «Я рекомендовал бы всем правителям и правительствам время от времени проехаться по своей земле в вагонах для скота, набитых их народом и, смешавшись с ним, послушать его, - писал потом украинский премьер-министр. - Это полезнее, чем несколько десятков совещаний с парламентскими фракциями. Я в то время уже не верил в особую симпатию народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нём такая ненависть». Побеседовав с простыми украинцами, Винниченко был поражён тем, « с каким презрением, злостью, с каким мстительным издевательством говорили они о Центральной Раде, о генеральных секретарях, об их политике. Но что было в этом действительно тяжёлое и страшное, так это то, что они вместе высмеивали и всё украинское: язык, песню, школу, газету, книгу украинскую»[85].

В общем, несмотря на все усилия и насилия, быстрой украинизации не получилось.

Настоящий успех пришёл к украинскому языку уже в советское время. Социалистический период истории Украины сегодня

оценивается по-разному. Несомненно, однако, что именно за годы Советской власти украинский язык, говоря словами видного мовознавца пылкого украинизатора А.Синявского, «из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны»[86].

Разумеется, всё случилось не в один миг. До революции малороссы сознавали себя такими же русскими, как и великороссы. Они и слышать не хотели о каком-то «украинском языке». «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем, ибо никогда не считали и не считаем себя нерусскими, и с какой бы хитростью ни старались услужливые гг. Милюковы вселить в нас сознание розни с великороссами, им это не удастся. Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские»[87] – говорил на заседании Государственной Думы депутат от Подольской губернии, крестьянин Андрийчук в ответ на попытку лидера российских либералов П.Н.Милюкова организовать в российском парламенте поддержку языковых «крестоносцев».

«Мы – русские, и никто не вправе про нас сказать иначе»[88] – подчёркивал другой крестьянский депутат (и почти однофамилец предыдущего), представитель Волынской губернии Андрейчук.

«Разве все украинцы за Украину стояли? Нет, ещё были миллионы несознательного народа по городам и сёлам, который ратовал за Россию, выдавал себя за русских, а украинство, вслед за московской пропагандой – за «немецкий вымысел»[89] – свидетельствовал уже о времени гражданской войны петлюровский министр Н.Е.Шаповал.

И во времена Киевской Руси, и позднее, когда Русь стали подразделять на Малую, Великую и Белую, на всём протяжении тысячелетней истории русичи в национальном отношении являлись одним народом. Разве что казаки (донские и запорожские) одно время объявляли себя особой «казацкой нацией» и отделялись, таким образом, от малорусских и великорусских крестьян (например, крестьян-

малороссов малороссы-казаки презрительно именовали «гречкосіями» и, конечно, не собирались родниться с ними). Но та казацкая вольница в термины «нация» и «народ» вкладывала совсем иной смысл, чем вкладывает в эти термины наука.

Наука же (этнография, история, филология, этническая психология, антропология, география) вполне определённо установила, что между великороссами и малороссами гораздо меньшая разница, чем между до сих пор считающимися одними нациями великополянами и малополянами в Польше, немцами Верхней и Нижней Германии, северными и южными французами. Мнения о малороссах (украинцах) и великороссах как двух ветвях одной нации вплоть до XX века единодушно придерживалось абсолютное большинство учёных как отечественных, так и зарубежных. К примеру, крупнейший чешский историк-славист, профессор Пражского университета Л.Нидерле отмечал, что между малороссами и великороссами «столь много общих черт в истории, традиции, вере, языке и культуре, не говоря уже об общем происхождении, что с точки зрения стороннего и беспристрастного наблюдателя это только две части одного великого русского народа»[90]. (Любопытно, что вышеприведенное положение, содержащееся в чешском и французском изданиях книги профессора Недерле «Обозрение современного славянства», таинственным образом исчезло из русского издания, осуществлённого в 1909 году Императорской Академией Наук. Либеральные академики готовы были идти на сокрытие истины, лишь бы не навредить своим «крестоносным» союзникам).

В свою очередь, немецкий учёный А.Геттер подчёркивал, что русские «представляют собой один народ, но так же, как французы и немцы, распадаются на несколько ветвей». «Подобно тому, как есть разница между северными и южными французами или северными и

южными немцами, так существует она между северо- и южнорусскими»[91].

Противоположного мнения придерживались лишь некоторые австрийские и немецкие учёные, близкие к правительствам этих стран. Однако в данном случае учёные мужи занимались не наукой, а политической пропагандой, пытаясь расколоть и ослабить крупнейшего геополитического противника Германии и Австро-Венгрии – Российскую Империю. Точно так же австро-германские политики от науки боролись против другого геополитического соперника – Франции, пытаясь популяризировать теорию об отдельной южно-французской (провансальской) нации, порабощённой северными французами.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Франции, если бы там в 1917 году произошла революция, в результате которой власть в Провансе захватили бы тамошние грушевские и петлюры. Как бы там ни было – этого не случилось. На юге Франции не провозглашалась «Провансальская народная республика», не проводилась насильственная провансализация, не объявлялся вне закона французский язык. После поражения Германии в первой мировой войне поддерживаемое из Берлина провансальское движение сошло на нет.

В России всё сложилось иначе. Первую мировую войну она проиграла. В результате, - вышвырнутые с Украины собственным народом вожди Центральной Рады вскоре вернулись в обозе немецких оккупационных войск. В течение года украинофилы насаждали здесь свою идеологию. Правда, особого успеха всё-таки не достигли.

Крупнейший теоретик украинского самостийного государственного и национального строительства Вацлав Липинский (старательно именуемый современными «национально-сознательными» публицистами «Вячеславом») уже в 20-х годах жаловался , что 99% украинского народа составляют «денацинализированные малороссы»[92]

и, следовательно, «большинство украинцев – это как раз наиболее наглядное и яркое доказательства невозможности существования Украины»[93].

Однако оставшийся, по подсчетам Липинского, один процент составляли политически активные деятели, чего не могли не учитывать большевики после вторичного (зимой 1918-1919 годов) установления Советской власти на Украине.

К оценке того, как разрешался языковой вопрос на Украине в советское время, следует подходить взвешенно. Вряд ли можно возражать против лозунга сомоопределения наций и народностей, провозглашённого Великой Октябрьской Социалистической революцией. Другое дело, что при осуществлении этого лозунга на практике не удалось избежать ошибок и перегибов. Отчасти сказалась неопытность ряда руководителей молодого государства, отчасти – личные качества отдельных деятелей, предпочитавших рубить с плеча там, где требовались мудрость и терпеливость. (Таким «рубакой» был, в частности, Л.М.Каганович – о чём ниже). Необходимо учесть и те условия, в которых приходилось принимать решения. Сначала жесточайшая гражданская война и империалистическая интервенция. Затем государственное строительство в условиях враждебного внешнего окружения и постоянной угрозы военного вторжения. Сложная внутриполитическая ситуация.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что большинство украинских «национально-сознательных» деятелей объявили себя сторонниками социализма, готовы были идти на компромисс с Советской властью в обмен на уступки в языковом вопросе. В то же время противники украинства, как правило, придерживались правых убеждений и были непримиримыми противниками установившейся власти.

Кроме того, украинофилы имели репутацию пострадавших от царизма и новая революционная власть не хотела обижать тех, кто и так «настрадался» при царском режиме. Было решено предоставить украинскому языку все возможности для свободного развития, оказать ему поддержку на государственном уровне. В специальном постановлении народного комиссариата просвещения Рабоче-крестьянского правительства Украины отмечалось, что украинцы, «сами того не сознавая», являются национальностью, отличной от русской. В связи с этим перед органами Советской власти была поставлена задача «активно работать в сторону развития украинского языка и украинской культуры»[94].

Новый язык ввели в работу официальных учреждений, перевели на него большинство школ. В октябре 1921 года в ещё не оправившийся от гражданской войны стране, в условиях голода и разрухи Советское правительство выделило 500 тысяч рублей золотом на печатание за границей украиноязычных учебников. Позднее по инициативе В.И.Ленина на эти цели было выделено ещё 250 тысяч рублей[95].

Членам партии вменялось в обязанность изучать украинский язык и всячески содействовать его становлению и развитию. Украиноязычные коммунисты получили преимущество при назначении на ответственные посты.

Однако и Советская власть очень скоро убедилась, что трудящиеся массы Украины вовсе не считают украинский язык родным. Большевики вынуждены были скорректировать свою языковую политику. Октябрьский (1922 г.) Пленум ЦК КП(б)У признал необходимым для распространения в украинском селе коммунистических идей издавать газету «Селянская правда» не только на украинском, но и на русском языке, поскольку умеющие читать украинские крестьяне «недостаточно привыкли к украинскому литературному языку»[96]. Пленум также постановил, что «язык

преподавания в школах должен вводиться в соответствии с организованным волеизъявлением населения»[97].

Впрочем, «передышка» продолжалась недолго. Новый виток украинизации начался уже через полгода. Причины его были чисто политическими.

14 марта 1923 года Совет послов стран Антанты принял решение о включении Галиции в состав возрождённой Польши (фактически эта территория была оккупирована польскими войсками ещё в 1919 году, но формально её судьба оставалась нерешенной). Деятели украинского движения пребывали в растерянности. Их надежды на то, что Антанта разрешит создать на западноукраинских землях независимое государство, не оправдались. А тем временем польская власть начала активную полонизацию галицкого населения.

В сложившейся обстановке украинским националистам не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью в Москву (Грушевский мечтал тогда, что Красная Армия силой присоединит Галицию к Советскому Союзу). «Национально сознательные» деятели предложили Кремлю свою помощь в противоборстве СССР с панской Польшей. Взамен Советская власть должна была провести полномасштабную украинизацию УССР. Соглашение было достигнуто.

1 августа 1923 года Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров УССР приняли совместное постановление, в котором объявлялось, что «признававшееся до сих пор формальное равенство» русского и украинского языков на Украине «недостаточно», так как, «жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»[98].

Украинский язык был поставлен у нас в привелигированное положение.

«Батько Тарас» или «батько Лазарь?»

Духовным отцом украинского национального возрождения, а также украинского литературного языка принято считать Тараса Григорьевича Шевченко. Нет в нашей истории фигуры более прославляемой. Мало кто знает, однако, что язык, на котором писал «батько Тарас» (а «национальное возрождение» понимается у нас, прежде всего, как возрождение языка) существенно отличается от нынешнего украинского. На пути к читателю многое из написанного Кобзарём оказалось «подправленным».

Ещё М.П.Драгоманов отмечал, что «Шевченко, например, ещё не имел мысли непременно создавать отдельную литературу украинскую, так как он писал свои повести по-московскому, так же писал даже свой «Дневник», сценарий к «Стодоле» и т.п. Видимо, Шевченко выбирал себе язык в каждом случае для него более лёгкий и соответствующий, а не думал непременно создавать особую, самостоятельную литературу и язык, как некоторые позднейшие украинолюбцы»[99].

Естественно, такая позиция «великого Кобзаря» не устраивала «национально-сознательных» деятелей. И, провозгласив Шевченко своим «батькой», они взялись за «исправление» его творчества. Создавшиеся в шевченковских рукописях слова «осень», «камень», «семья», «всего», «чернило», «явор», «царь», «Киев», «Польша» и другие при публикации заменялось на «осінь», «камінь», «сім`я», «всього», «чорнило», «явір», «цар», «Київ», «Польща» и т.д. Буква «с» в приставках заменялась на «з». И даже слово «кобзарь», которое Тарас Григорьевич писал с мягким знаком, как это принято в русском языке, украинофилы поменяли на «кобзар»[100].

Подвергалось «коррекции» и правописание. Поэт не знал букв «ї», «є», тем более «ґ» с «хвостиком», апострофов и использовал русский алфавит (с «ы», «э», «ъ»), который был для него родным. (Желающим

удостоверится в этом можно порекомендовать обратиться хотя бы к пятитомному изданию «Творів» Шевченко (К.,1970-1971), где в качестве иллюстраций помещены фотокопии некоторых автографов Тараса Григорьевича). В 1860 году «батько Тарас» даже составил «Букварь южнорусский» для обучения детей грамоте на малорусском наречии. Алфавит в «Букваре» был русским без всяких отклонений и «реформ»[101].

Но если Т.Г.Шевченко считал возможным строить малорусскую грамоту на алфавите, общем с русским литературным языком, то «национально-сознательные» деятели с ним согласиться не могли и переписывали сочинения поэта по-своему.

Справедливости ради, надо сказать, что не все «корректировщики» и «исправители» творчества Тараса Григорьевича были людьми без всякого стыда и фальсифицировали чужие творения без тени сомнения. Некоторые из них испытывали нечто похожее на угрызения совести. «Вообще не знаю, не грех ли нам, что у нас «кобзар», «цар» и т.п., у Шевченко везде «рь»[102] - писал видный активист украинского движения, известный издатель «Кобзаря» В.Н.Доманицкий другому крупному украинофильскому деятелю П.Я.Стебницкому. Но Доманицкого убедили, что фальсификация – не грех. Речь ведь шла о таком «патриотическом» деле, как взращивание «украинской национальной идеи».

Последующие же издатели произведений самого выдающегося из украинских поэтов сомнений уже не испытывали. «Серый кардинал» украинизаторства периода 20-30-х гг. А.Синявский давал совершенно конкретное указание: «Всё то в языке и правописании шевченковских произведений, что может быть выдержано, уоднообразнено в соответствии с современным и литературным и нормами и без нарушения сущности шевченковского языка, в частности, без вреда для стихов и рифм, и нужно последовательно уоднообразить». (Далее следовали

рекомендации насчёт «осени», «явора», «кобзаря», «шинкаря», «семьи» и т.д.)[103].

И сегодня подлинный Шевченко скрыт для абсолютного большинства читателей. Но даже такой «подправленный» и «уоднообразненный» Кобзарь не соответствовал языку, навязываемому Украине «крестоносцами». Это вызвало удивление даже в среде искренних почитателей «украинской национальной идеи». Отмахиваясь от их недоуменных вопросов, М.С.Грушевский возмущался: «Язык Шевченко – на меньшее они не согласятся. И, наверное, тут ничего не поделаешь. Нужно оставить их так. Пусть ждут, пока Шевченко встанет и будет писать им в газетах, переводить популярные книжки, писать исторические и критические труды»[104].

Другой защитник «рідної мови» (и, по совместительству, известный «шевченкознавець») Николай Сумцов, позабыв, что сам ещё недавно грустил «об изящной простоте и чистоте языка Квитки и Шевченко», теперь огрызался, дескать, в языковых вопросах «батько Тарас» ему не указ: «Часто говорят: «Пишите, как писал Шевченко», будто Шевченко в проявлениях научного и литературного развития такой дорожный указатель, что всё время всегда на него нужно равняться»[105].

Иван Стешенко ничтоже сумнящеся объявил свою мову «выше и шире» языка Тараса Григорьевича[106]. В том же духе высказался Борис Гринченко: «Шевченко и Марко Всвчок не писали бы как Шевченко и М.Вовчок, когда б их теперь посадить писать не стихи и сельские рассказы, а научные исследования или публицистику: они или совсем ничего не писали бы, или написали бы так, как мы, а может ещё и хуже»[107]. А Агатангел Крымский договорился до того, что назвал шевченковский язык похожим на украинский не больше, чем хорошо сделанная статуя похожа на живого человека, «без той колоритности, которой будет блистать живописный рисунок, и без той детальной точности, которую может дать фотография»[108].

Очевидно, что к «возрождению» мовы Крымского и Грушевского Тарас Григорьевич отношения не имел. Духовным отцом этого процесса можно назвать другого человека.

Фигура Лазаря Моисеевича Кагановича до сих пор должным образом не освещена отечественными историками. Видный политический, хозяйственный деятель, который не мало сделал на пути развития экономики Украины в годы социалистического строительства. Сегодня учёные и публицисты предпочитают говорить лишь о его участии в репрессиях 30-х годов, о голодоморе, конфликте с Хрущёвым, что есть, конечно, односторонним освещением его деятельности. Интересен ещё один, мало изученный факт из политической деятельности Кагановича Л.М.

Л.М.Каганович стал генеральным секретарём ЦК КП/б/У в апреле 1925 года, когда украинизация уже была провозглашена и всеми силами проводилась в жизнь. При предшественнике Лазаря Моисеевича на посту руководителя КП/б/У Э.И.Квиринге число школ с преподаванием на украинском языке росло быстро и неуклонно. Также быстро и неуклонно сокращалось количество русскоязычных школ. В то же время Квиринг сознавал, что навязать целому народу чужой язык в кратчайшие сроки будет затруднительно. Он предупреждал, что украинизация – «долговременный, постепенный процесс», требующий «ещё не одного пятилетия», что необходимо подготовить «соответствующие кадры учителей», вырастить новое поколение вузовских преподавателей. Партийный лидер даже допускал колкости в адрес «национально-сознательных» деятелей, заявляя, например: «Каждый шовинист-украинец будет вопить о принудительной русификации аж до того времени, пока останется хоть один профессор музыки или гистологии, который читает лекции на русском языке»[109].

Такая «умеренность» пришлась инициаторам украинизации не по вкусу. На посту руководителя украинских коммунистов Квиринга сменил Каганович.

Многие годы спустя методы работы Лазаря Моисеевича, его диктаторские замашки, жестокость будут осуждены, он окажется исключённым из партии (правда не за украинизацию), лишится высоких постов. Но это будет потом. А в 1925 году Каганович именовался «вождём украинского народа» и обладал огромными полномочиями для решения поставленных перед ним задач. Задачи, между тем, были непростые.

Южная (малорусская) ветвь русского народа, теперь официально называемая украинцами, украинизироваться не желала. Нового языка население не понимало, не принимало и не хотело принимать. «Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа»[110], -торжественно объявил Председатель Совета Народних Комиссаров УССР Влас Чубар. Но «приближать» начали не с той стороны. На вооружение был взят тезис Агатангела Крымского: «Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то вина падает не на язык, а на людей»[111].

Иными словами, не язык стали приближать к народу, а народ – к языку. Достигнуть этой цели без принуждения оказалось невозможным. Тут-то и пригодились «способности» Кагановича.

Лазарь Моисеевич взялся за дело со свойственной ему решительностью. Всем служащим предприятий и учреждений, вплоть до уборщиц и дворников, было предписано перейти на украинский язык. Замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» немедленно увольнялись без выходного пособия (соблюдения трудового законодательства в данном случае не требовалось). Исключений не делалось даже для преприятий союзного подчинения.

На украинский переводилась вся система образования. Мова стала главным предметом везде – от начальной школы до технического вуза. Только на ней разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу. Изучение русского языка фактически было приравнено к изучению языков иностранных.

Административными методами украинизировалась пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации. Запрещалось дублировать по-русски даже вывески и объявления.

Ход украинизации тщательно контролировался сверху. Специальные комиссии регулярно проверяли государственные, общественные, кооперативные учреждения. Контролёрам рекомендовалось обращать внимание не только на делопрозводство и на приём посетителей, но и на то, на каком языке работники общаются между собой. Когда, например, в народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава технический персонал остался русскоязычным, то немедленно распорядились, чтобы все уборщицы, извозчики и курьеры перешли на украинский. Не знающие «рідной мови» должны пройти курсы по её изучению, причём деньги на эти курсы вычитались из зарплаты обучающихся.

А Каганович всё не унимался. Особую ненависть вызывало у него не желающее украинизироваться коренное население. Если к выходцам из Великороссии хотя бы на первом этапе допускались методы убеждения, то на малороссов (украинцев) Лазарь Моисеевич требовал «со всей силой нажимать в деле украинизации»[112].

Украинцы отвечали взаимностью. Известный историк «рідной мови», ярый украинский националист, представитель диаспоры Юрий Шерех (Шевелёв) констатировал, что последствия политики Кагановича «были далеко не простые. С одной стороны, больше, чем когда-либо,

людей овладело украинским языком, ознакомилось в определённой мере с украинской литературой и культурой, кое-кто даже начал говорить по-украински. На улицах больших городов украинский язык звучал чаще, чем перед тем, хоть и не заменил русский как способ ежедневного общения. С другой стороны, присущий политике элемент принудительности и искусственности возбуждал чувство враждебности к украинскому языку. Появилась масса анекдотов, к сожалению, не собранных и не изданных, поднимавших украинский язык на смех»[113].

Как признавал Шерех, украинизация не получила массовой поддержки в народе. «Рабочие и средний класс были, в лучшем случае, равнодушны. Не сохранилось никаких сведений про какой-либо энтузиазм крестьянства»[114].

Но отсутствие массовой поддержки Лазаря Моисеевича не волновало. Он опирался не на народ, а на «национально-сознательных» субъектов, преимущественно австрийской закваски, выписанных из Галиции. Уже к концу 1925 года в УССР орудовала 50-тысячная армия галицких «янычар», подготовленных ещё при Франце-Иосифе[115]. Их число увеличивалось с каждым месяцем.

Одновременно, чтобы придушить всякое недовольство действиями украинизаторов, официально было объявлено, что «некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т.п.» является «русским националистическим уклоном»[116] (обвинение, грозившее в то время серьёзными неприятностями).

Всякий несогласный с национальной политикой Кагановича подвергался травле. Особенно доставалось литераторам. На них лежала обязанность развивать самостоятельную литературу на украинском языке, но они, как и большинство украинцев, нового языка не знали и накликали на себя обвинения в «неуцтві», «рабской зависимости» от

«русской языковой, буржуазной по сути своей, традиции»[117]. В числе прочих критике за употребление «русизмов» подвергались Павло Тычина, Владимир Сосюра, Максим Рыльский, Юрий Яновский, Петро Панч, Иван Ле, Андрей Головко, Валерьян Пидмогильный, Семён Скляренко, Иван Микитенко, Мыкола Хвылёвой, Юрий Смолич, Юрий Шовкопляс и другие.

«Современный писатель украинский, за небольшим исключением, украинского языка не знает. Ему нужно взять в руки «Изюмова»[118] (имелся в виду «Словник», составленный известным украинизатором, мовознавцем Изюмовым), «даже выдающиеся поэты, и писатели-стилисты нарушают правильность, и чистоту и портят эффекты художественного достижения ненужными ошибками и абсолютно противными духу украинского языка русизмами»[119] - били тревогу подручные Лазаря Моисеевича и категорически требовали: «Писатели должны выучить язык»[120].

Писатели, безусловно, старались. Они «исправляли ошибки», благодарили за «критику», брали на себя повышенные обязательства. Кто искренне, кто вынужденно «бойцы литературного фронта» стремились избавиться от «тяжкого наследия» русской культуры, скорее выучить новый для себя украинский язык. Но выучить его было непросто.

«Рідна мова» не стояла на месте. Из неё старательно вычищались слова русского происхождения, которые заменялись словами польскими, немецкими, выдуманными, какими угодно, лишь бы сильнее отделиться от великороссов. Группа академиков ревизовала словари, снова и снова реформировалась грамматика.

Эти процессы вызывали бурный восторг у украинизаторов. Они с удовлетворением отмечали: «В украинский язык за короткий срок включены десятки, даже сотни тысяч новых слов. Это величайшее событие. От этого не только изменится лексика украинского языка, но

это имеет также колоссальное значение для целого процесса дальнейшего развития украинской пролетарской культуры»[121].

Вряд ли можно переоценить значение сделанного с Украиной при Кагановиче. Язык, созданный в Галиции австро-польскими «языковедами» в несколько дополненном виде был утверждён в УССР в качестве державной мовы. Его не любили, не признавали родным, но учить и употреблять его вынуждены были все. Как подчёркивает современный публицист (опять же из числа «национально-сознательных»): «Ни одна демократическая власть не достигла бы либеральными методами таких успехов на протяжении такого короткого промежутка времени»[122].

Не замедлили и последствия «успехов». Резко понизился уровень культуры. Многие учёные, не в силах привыкнуть к новому языку, покинули республику. И хотя Председатель Всеукраинского ЦИК Г.И.Петровский оправдывался: «Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождёшься своих учёных или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры. Но этого пугаться нельзя»[123]. В глубине души многие сознавали, что несёт с собой украинизация.

Мощный удар был нанесён воспитанию подрастающего поколения. Попадая из русской среды в украинизированные учебные заведения, дети сильно калечили свою лексику. «Я имел возможность наблюдать язык подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания – украинский. Язык этих детей представляет собой какой-то уродливый конгломерат, какую-то, не выговариваемую мешанину слов украинских и московских»[124] - замечал один из украинизаторов.

Бумерангом политика Кагановича ударила и по его подручным. Беспрестанная борьба с русским языком, постоянное «очищение» от русизмов стали навязчивой идеей в «национально-сознательной» среде, сказывались на психике любителей «рідної мови». Многие из них заболели «мовной сверхболячкой». Обнаружив «неблагонадёжное» слово («русизм»), устранив его, заменив другими, мовознавцы вскоре начинали сомневаться – достаточно ли новое слово отделяется от русского языка, свободно ли оно от «русификаторских» влияний? Под подозрение попадали даже слова, совершенно непохожие на русские, так как они могли быть созданы с учётом принятых в русском языке правил словообразования. Следовала новая замена, а за ней – новые сомнения и так до бесконечности.

Та же картина наблюдалась в терминологии. Старые грамматические термины, выработанные киевскими учёными, «филологов со сверхболячкой» не устраивали, так как те же термины были приняты в русской грамоте. Срочно требовалось придумать что-либо новое. Так, «имя существительное» превратилось в «ім`я суще», затем в «сущиник», «йменник», «іменник». «Имя прилагательное», стало «ім`ям приложним», потом «ім'ям призначним», «ім'ям прикметним», «прикметником». Такую же эволюцию совершили «местоимение» («містоімення» - «містойменник» - «заіменник – «займенник»), «имя числительное» («ім`я числове» - «ймення чисельне» – «чисельник» – «числівник»), «запятая» («запята» – «запинка» – «кома»), «двоеточие» («двоеточка» – «двокрапка»), «сказуемое» («сказуєме» - «сказуюче» - «присудок») и другие термины. Мужской род стал «мужським», затем «мужеським» и, наконец, «чоловічим». Соответственно «женский», последовательно превратился «женський», «жінський», «жіночий» и т.д. Остановиться уже не могли и только спорили, какое название лучше обеспечивает независимость украинского языка от русского: «іменник» или «предметник», «прикметник» или «призначник», «присудок» или «присудень», «лапки» или «цятки» и т.п.[125].

Постепенно все украинизаторы стали задаваться вопросом: «Куда ведёт нас это буйное, но беспорядочное и ненаучное языковое творчество? Не время ли положить конец этой анархии твёрдой и плановой «языковой политикой?»[126].

В конце концов, над этим задумались и наверху. Каганович был отозван с Украины, а «мовознавцам» предложено определиться с выбором слов и терминов.

Сегодня это предложение выдаётся за «конец украинизации». В действительности она не прекращалась ни на один день. Другое дело, что этому процессу были приданы цивилизованные формы. Прекратилось неприкрытое насилие над русскоязычным населением. (В 1938 году даже вновь открыли всеукраинскую газету на русском языке - «Правду Украины»). В городах, являющихся крупными научными центрами, населению предоставляли свободу выбора языка обучения в школах (и, естественно, что выбор был в пользу русского языка). Однако украинский язык продолжал пользоваться полной государственной поддержкой, повсеместно пропагандировался как родной для украинцев, а на обсуждение вопроса о его подлинном происхождении был наложен строжайший запрет.

По-иному сложились языковые отношения в регионах, где Советская власть установилась позднее.

Русский погром.

Вплоть до самого распада Австро-Венгрии власти прилагали невероятные усилия, чтобы насадить в Галицкой Руси «украинскую

национальную идею» и язык. На национальные отношения существенно влияло отсутствие в стране свободы. Формально Австро-Венгрия являлась конституционным государством, где все сферы жизни регламентировались законом. Фактически трудно было найти в Европе другую державу (за исключением, разве что, Турции), где законы оставались простой бумажкой.

По закону различные нации, населяющие империю, могли свободно развиваться. Однако Галиции, Буковины, Закарпатья это не касалось. Преподавание на русском языке в государственных школах было запрещено. Изучавшие русский язык самостоятельно, подозревались в шпионаже в пользу России. Русские национальные организации преследовались, против русских деятелей (их называли «москофилами») фабриковались надуманные обвинения в государственной измене, организовывались фальсифицированные судебные процессы. Русских детей третировали в школах (особенно усердствовали в этом учителя-украинофилы).

По закону жители Австро-Венгрии свободно могли перейти из одной религии в другую. В действительности же каждый случай перехода в православие, опять таки, расценивался как государственная измена.

Формально население могло избирать в парламент и местный сейм своих представителей. На самом деле власти пускали в ход все средства давления на избирателей (включая открытый террор), чтобы не допустить избрания русских кандидатов. Когда же давление не помогало, шли на откровенную фальсификацию, объявляя, что кандидат избран незаконно.

Особый упор делался на кадровую политику. В школы назначались учителями исключительно носители «украинской национальной идеи». В то же время педагоги с русскими убеждениями переводились в другие регионы империи, а то и просто оставались без места. То же самое

творилось и в церкви. «Приём в духовные семинарии юношей русских убеждений прекращается, - вспоминал галицкий общественный деятель И.И.Терех. – Из этих семинарий выходят священниками заядлые политиканы – фанатики, которых народ называл «попиками». С церковного амвона они, делая своё каиново дело, внушают народу новую украинскую идею, всячески стараются снискать для неё сторонников и сеют вражду в деревне. Народ противится, просит епископов сместить их, бойкотирует богослужения, но епископы молчат, депутации не принимают, а на прошения не отвечают. Учитель и «попик» мало-помалу делают своё дело: часть молодёжи переходит на их сторону, и в деревне вспыхивает открытая вражда и доходит до схваток, иногда кровопролитных. В одних и тех же семьях одни дети остаются русскими, другие считают себя «украинцами». Смута и вражда проникают не только в деревню, но и в отдельные хаты. Малосознательных жителей деревни «попики» постепенно прибирают к своим рукам. Начинается вражда и борьба между соседними деревнями: одни другим разбивают народные собрания и торжества, - уничтожают народное имущество, (народные дома, памятники – среди них памятник Пушкину в деревне Заболотовцы). Массовые кровопролитные схватки и убийства учащаются. Церковные и светские власти на стороне воинствующих «попиков». Русские деревни не находят нигде помощи. Чтобы избавиться от попиков, многие из униатства возвращаются в православие и призывают православных священников. Австрийские законы предоставляли полную свободу вероисповедания, о перемене его следовало только заявить административным властям. Но православные богослужения разгоняются жандармами, православные священники арестовываются и им предъявляется обвинение в государственной измене»[127].

Одновременно с политикой «кнута» Вена применяла и «пряник». Созданные под руководством украинофилов крестьянские кооперативы

получали щедрую государственную поддержку. И наоборот – те кооперативы, в которых не культивировалась «украинская национальная идея», такой помощи лишались.

И всё-таки прочно насадить украинство австрийским властям не удавалось. Ярый украинский националист М.Павлик (друг И.Франко) в ноябре 1884 года жаловался в польской газете «Курьер львовский», что «московофильские» настроения среди масс галицко-русской народности» намного сильнее украинофильства, а на Буковине и в Угорской Руси вообще «украинского чувства нет и до сих пор»[128].

В 1906 году тот же М.Павлик предупреждал, что на всех западно-украинских землях в душе «наших крестьянских масс» дремлет давнее «народное московофильство», которое вот-вот проснётся[129].

Как это часто бывает, активное давление со стороны власти встретило мощное противодействие населения. Гонение на русский язык в государственных школах побудило жителей собирать средства и открывать частные русские гимназии. По свидетельству галицкого писателя С.Медвецкого, когда такая гимназия открылась в Бучаче, «наплыв учеников был настолько велик, что пришлось построить два больших здания – для гимназии и общежития»[130]. На собранные населением средства учебные заведения с русским языком обучения функционировали во Львове и других крупных городах.

Впрочем, и в украинизированных государственных школах ощущалось влияние «московофильства». Так, «национально-сознательный» учитель черновицкой гимназии Шпойнаровский доносил начальству, что в письменных работах некоторые ученики употребляют запрещённые буквы «ы» и «ъ», неправильно произносят слова (например, говорят «мой» вместо «мій», «есть» вместо «є» и др.), пишут сочинения с примесью русских выражений, нелегально «учатся по-великорусски» и «не считают себя отдельным народом от великорусов»[131].

Доносы Шпойнаровского стали причиной исключения из гимназии пяти учеников и применения более мягких наказаний к ещё тридцати учащимся, но окончательно победить «московофильство» педагогическая администрация не смогла.

Массовым явлением было самостоятельное изучение русской литературы и языка, а также истории и географии России в существовавших при городских гимназиях общежитиях (бурсах), где проживали иногородние ученики и приехавшие на учёбу дети крестьян. Как ни препятствовали этому власти и учебное начальство (в бурсах регулярно проводились обыски и найденная у ученика русская книжка служила достаточным основанием для исключения из гимназии), общежития стали деятельными центрами русской жизни. В галицких сёлах миссию обучения крестьянской молодёжи русскому литературному языку взяли на себя студенты. «На сельских торжествах парни и девушки декламировали стихотворения не только своих галицких поэтов, но и Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова и др. По деревням ставили памятники Пушкину. Член Государственной Думы граф В.А.Бобринский, возвращаясь со славянского съезда в Праге через Галичину с галицкими делегатами этого съезда, на котором он с ними познакомился, и, присутствуя на одном из таких крестьянских торжеств их деревни, расплакался, говоря: «Я не знал, что за границей России существует настоящая святая Русь, живущая в неописуемом угнетении»[132].

Трудно сказать, долго ли ещё продолжалось бы противоборство русского населения с австро-польско-украинофильским блоком, если бы не разразилась мировая война. Обстоятельства военного времени высветили реальное положение дел. Насаждаемое властью украинство лопнуло, как мыльный пузырь.

Направленный в Галицию для изучения создавшегося положения представитель австрийского министерства иностранных дел при

верховном командовании барон Гизль, проведя во Львове переговоры с лидерами украинских организаций и ознакомившись с обстановкой, сообщал 31 августа 1914 года: «Украинофильское движение среди населения не имеет почвы – есть только вожди без партий». Через два дня Гизль вновь констатировал: «Украинизм не имеет среди народа опоры. Это исключительно теоретическая конструкция политиков». В следующем сообщении министру иностранных дел тот же чиновник отмечал, что подтвердилась информация о массовом переходе местного населения на сторону русских войск, «в результате чего наша армия брошена на произвол судьбы»[133].

В свою очередь, било тревогу австро-венгерское военное командование: «Наступающие на восточной границе в районе Белзец-Сокаль-Подволочиск-Гусятин русские войска произвели на русофильское население Восточной Галиции, которое имело уже давно приятельские отношения с Россией, огромное впечатление, - говорилось в приказе от 15 августа 1914 года. – Государственная измена и шпионаж, с одной стороны, и террор относительно нерусского населения там, где оно было в меньшинстве, - с другой стороны (Сокаль, Залозцы, Гусятин), увеличиваются самым опасным и прямо угрожающим образом»[134].

«Не думал я, что наша армия окажется во вражеском крае» - заявил командующий расположенного в Галиции 2-го корпуса генерал Колошрари галицкому наместнику Коритовскому и высказывал мнение, что прежде, чем начинать войну с Россией, следовало перевешать всё русское население Галиции. А комендант Перемышльской крепости генерал Куманек предупреждал начальство, что если в Перемышле останется хотя бы один русский, за крепость ручаться нельзя[135].

Главнокомандующий австро-венгерской армией эрцгерцог Фридрих в докладной записке императору Францу-Иосифу указывал, что среди коренного населения восточной провинции существует «уверенность в

том, что оно по расе, языку и религии принадлежит к России»[136]. В результате австро-венгерские войска оказались в Галиции в «атмосфере предательства» и «в собственном краю должны нести потери от шпионажа и измены русофильского населения, а наш враг, который выступал как освободитель, мог, безусловно, рассчитывать на полную поддержку»[137].

Действительно, местные жители всячески содействовали русской армии, информировали её о перемещениях противника, при необходимости служили проводниками русских частей, где могли, повреждали австро-венгерские линии связи. Насильно мобилизованные в австро-венгерскую армию галичане при первой возможности сдавались в плен.

Население торжественно встречало освободителей. Во многих сёлах навстречу передовым отрядам русских войск выходили крестьянские депутации с хлебом-солью. При вступлении во Львов огромная толпа забрасывала солдат цветами. Значительное число жителей Галиции, Буковины и Закарпатья вступило добровольцами в русскую армию.

Ликование по случаю освобождения от шестисотлетнего иноземного ига было всеобщим. Радость и восторг царили повсюду, вплоть до галицкой диаспоры в Соединённых Штатах. «Наш Львов – русский, наш Галич – русский! Господи, слава Тебе, из миллионов русских сердец шлёт Тебе вся Русь свою щирую молитву, Боже великий, могучий Спаситель, объедини нас, як Ты один в трёх лицах, так Русь наша в своих частях одна будет во веки!»[138] - писала газета американских галичан «Свит».

Русское чувство пробудилось даже в отрядах так называемых «украинских сичевых стрельцов», созданных украинофилами в помощь австрийцами. «Русские наступают. Мы терпим поражение. Происходят жестокие бои на Гнилой Липе. Твоё холопское войско, твои УССы боёв ещё не видели, но, известно, что они собираются «доблестно» сдаться в

плен москалям»[139] - писал униатскому митрополиту (и по совместительству – заядлому украинофилу) Андрею Шептицкому его брат Станислав, генерал австрийской армии.

Генерал не ошибся. Не слушая заклинаний «национально-сознательных» вождей, «сичевые стрельцы» стали переходить на сторону русских. В итоге, австрийское командование просто отвело «усусов» в тыл и произвело в их частях «чистку».

Это было банкротство «украинской национальной идеи».

Вена ответила террором. По доносам озлобленных поражением украинофилов за симпатию к России были казнены десятки тысяч людей. Сотни тысяч галичан, буковинцев и закарпатцев были брошены в концлагеря, сотни деревень сожжены, а их жители депортированы вглубь Австрии. (При этом многие из них погибли в дороге от голода, холода и болезней).

Австрийские офицеры получили право самостоятельно творить расправу среди населения, приговаривая к смерти заподозренных в измене. Никаких доказательств не требовалось. Казнить могли за одно неосторожно сказанное по-русски слово, за отказ признать себя украинцем, отречься от русского имени. Солдатам выдавали специальные шнуры для виселиц.

Часто перед смертью приговорённых подвергали жесточайшим пыткам. Родителей убивали на глазах у детей, детей – на глазах у родителей. Молодых женщин предварительно насиловали. Не щадили ни старого, ни малого (среди казнённых были мальчики и девочки 5-7 лет и даже грудные младенцы).

Один из австрийских офицеров впоследствии вспоминал о казни галицких крестьян: «Мы пришли на место, которое я буду помнить до конца моей жизни. Чистое поле, на котором вокруг одинокого дерева толпились солдаты. Тут же стояла группа офицеров. Насмешки и крики, вроде «русские собаки, изменники», посыпались по адресу ожидавших

своей участи крестьян. Вид стариков, женщин с грудными и детьми на руках и плачущих от страха, голода и устали детей, цеплявшихся за одежду своих матерей, производил такое удручающее впечатление, что даже у одного из офицеров-немцев показались на глазах слёзы. Стоявший рядом лейтенант спросил: «Что с тобой?» Тот ответил: «Ты думаешь, что эти люди виновны в чём-нибудь? Я уверен, что нет». Тогда лейтенант без малейшей заминки сказал: «Ведь это же русофилы, а их следовало бы ещё до войны всех перевешать». Далее совершилась обычная казнь. Всех вешали через одну и ту же петлю, предварительно ударив жертву в подбородок и в лицо. Повешенного прокалывали штыком на глазах у матерей, жён и детей»[140].

Не было ни одного населённого пункта, которого бы не коснулся кровавый террор. Так «национально-сознательные» украинофилы (а именно они указывали властям на «подозрительных») мстили своему народу за нежелание украинизироваться.

От полного истребления галицко-русское население спасло только быстрое наступление русской армии, в короткое время освободившей большую часть Зарубежной Руси.

Освобождённые земли были объявлены воссоединёнными с Россией. Вновь были открыты русские организации и газеты (запрещённые сразу же после войны). Местные общественные деятели составили Русский народный совет, представлявший интересы коренного населения в сношениях с военными и властями. Принимались меры по обеспечению жителей продовольствием, а также для удовлетворения их культурных потребностей.

С падением австрийской власти сами собою рухнули и запреты на употребление русского языка. В судопроизводстве литературная разновидность русского языка и его местные просторечия – гуцульское и лемковское – стали использоваться наравне с польским. В то же время из судов устранили «тот искусственный жаргон, который создан

австрийским правительством»[141] (как назывался новой властью «украинский язык»).

Так как в связи с военными действиями все государственные школы в Галиции не функционировали, русская администрация посодействовала открытию нескольких русских и польских школ. Поскольку прежний режим стремился держать галичан в темноте и невежестве, была разработана программа всеобщего народного образования, по которой предусматривалось открытие за 5 лет 10 тысяч народных школ (по 1800 ежегодно), а также 70 высших народных училищ, 60 курсов при этих училищах, 25 мужских и 25 женских гимназий, 10 учительских семинарий и двух учительских институтов[142].

Учительские кадры для воплощения этой программы планировалось подготовить из местных жителей. Во многих галицких городах были открыты специальные педагогические курсы (как государственные, так и частные).

Освобождённая от оков, русская народная культура быстро развивалась. Побывавший «на второй день Рождества» на крестьянском собрании в одном из сёл в окрестностях Львова журналист сообщал: «Публика была довольно серая. Преобладали женщины. Пелись песни, говорились импровизированные речи. Пели все – и женщины, и мужчины, и взрослые, и дети. Сначала пели рождественские малорусские колядки, а потом вдруг запели некрасовскую «Назови мне такую обитель… где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стонал». Задушевные слова этой народнической и народной песни удивительно гармонировали с общим страдальческим тоном жизни этой несчастной страны, где столько убитых на поле брани, столько повешенных и расстрелянных венграми за одну принадлежность к русскому племени, столько арестовано и увезено австрийскими властями. Это торжественное исполнение некрасовской крестьянской песни крестьянским людом Галиции служит лучшим знамением тех возможностей, которые открываются для русской культуры в Галиции»[143].

К сожалению, возможностям этим реализоваться было не суждено. Неудачи на фронте вынудили русскую армию оставить большую часть, казалось бы, уже навсегда освобождённых земель. Австро-венгерская оккупация, а вслед за ней и террор возобновились. Вновь сжигались деревни, вновь убивались или угонялись вглубь Австрии не успевшие убежать жители. Вновь оказалось под запретом употребление русского языка.

Немного позже, в 1917 году, когда раздираемая на части Россия уже не представляла угрозы для противников, Вена позволила себе перевести дух. Австрийский парламент даже предпринял расследования преступных действий австро-венгерской военщины (всё-таки террор осуществлялся против граждан своей страны). Материалы этого расследования легли в основу ряда публикаций и исследований, вышедших за границей. В современной же Украине правда о чудовищном геноциде 1914-1917 годов замалчивается.

Между тем, этот русский погром объясняет, что произошло с Галицией в дальнейшем. В ходе его более 60 тысяч человек было убито. Сотни тысяч галичан стали узниками концлагерей. Более 100 тысяч из них погибли там, не выдержав нечеловеческих условий заключения[144]. Количество жителей западно-украинских земель, погибших во время принудительной депортации вглубь Австро-Венгрии, не поддаётся исчислению. Сложно установить и число тех, кто при отступлении русской армии в 1915 году бежал в Россию. Тогдашняя пресса и русская, и австрийская называли цифры от 100 до 400 тысяч человек. Оценки историков разнятся от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек[145]. Все эти люди оказались разбросанными по бескрайним просторам России, охваченной вскоре пожаром революции и гражданской войны. Не многие смогли вернуться

домой. Если учесть и тех, кто погиб на фронтах первой мировой войны, то становится ясно, какие невосполнимые потери понесла Галицкая Русь. Почти все лучшие представители интеллигенции, духовенства, крестьян, рабочих был физически уничтожены.

Из уцелевших можно было лепить, что угодно. Чем и занялись вернувшиеся австрийцы. Первый после вторичного занятия Львова австрийский комендант города, генерал-майор Фр. Римль в секретном рапорте начальству одновременно с «беспощадным террором» против населения рекомендовал насаждать в крае украинофильство и сожалел, что «пока что украинская идея не совсем проникла в русское простонародье»[146].

С крахом в 1918 году Австро-Венгрии, после кратковременного существования «Западноукраинской народной республики» Галиция оказалась насильно включённой в состав возрождённой Польши.

Новые хозяева первое время яростно полонизировали оккупированную территорию. Запретив русские школы, польская власть взялась и за украинские. На опустевшие после русского погрома земли из центральной Польши переселяли крестьян-поляков. Государственная пропаганда трубила, что Галиция – исконно польская земля, а не Русь или Украина. Варшава рассчитывала, что обескровленный предыдущим террором край сопротивляться не сможет.

Карты польским политикам спутало русское движение. Оно возродилось неожиданно для многих, стало набирать силу и хотя, по понятным причинам, не достигло прежнего размаха, всё-таки вызвало во властных структурах переполох. Наверху сочли за благо вернуться к прежней политике – «пустить русина на русина».

После прихода к власти в мае 1926 года Юзефа Пилсудского полонизация резко сбавляет обороты. Русские школы по-прежнему под запретом, но украинские пользуются полной поддержкой властей. Украинский язык начинает изучаться даже в польских школах Галиции.

Чиновники заговаривают о «польско-украинском братстве», направленном против России. Государство вновь борется за финансирование украинских организаций (хоть и не в таких размерах, как в австрийские времена).

Население сопротивлялось как полонизации, так и украинизации. Как отмечала галицкая газета «Русский голос», оба эти явления взаимосвязаны. Поскольку украинский язык, ввиду его «искусственности», является малопонятным для народа, украинизация фактически ведёт к полонизации (в Галиции), к румынизации (в Буковине) и к чехизации (в Закарпатье). Этот искусственно созданный язык «не выдерживает культурной конкуренции с природными литературными языками других народов». Из-за этого «наш простолюдин, изучив чужой язык в школе и армии, становится объектом чужого культурного завоевания»[147].

Состоявшийся во Львове съезд Русского народного объединения поднимал вопрос о восстановлении в Галиции системы образования на русском языке. Но власти решительно воспротивились этому. Они всячески притесняли русское движение. Только природным национальным чувством галичан можно объяснить тот факт, что, пережив страшный погром, это движение возродилось, пользуясь поддержкой сотен тысяч местных жителей.

Русское движение как массовое существовало в Галиции вплоть до второй мировой войны и было разгромлено репрессивными методами.

Похоже складывались после 1918 года национальные отношения на Буковине, отошедшей к Румынии. Так же, как и в Галиции, первый удар новая власть обрушила на русский язык, изгоняя его из школ и стремясь вытравить из жителей русское самосознание. Так же, как и в Галиции, вслед за антирусскими репрессиями правительство стало ущемлять и украинское движение. Так же, как и польские власти, Бухарест, убедившись, что превратить русских буковинцев в стопроцентных

румын не удастся, прибегнул к украинизации. И так же, как в Галиции, полный успех украинизации, был достигнут в Буковине уже после второй мировой войны.

Несколько иную языковую историю имело Закарпатье. С распадом Киевской Руси оно подверглось не польской, а венгерской агрессии, было включено в состав Венгрии и впоследствии вместе с ней вошло в Австро-Венгерскую империю.

Таким образом, жители Закарпатья избежали многовекового польского влияния. И когда в Галиции поляки стали энергично взращивать украинство, население Угорской Руси этой идеи не поддержало.

«Мы, бедные угро-русские, радуемся, что наши галицкие братья по крови и вере занимаются нами и поддерживают в нас ещё русский дух. Но на ту деятельность, которую развивает Ваша так названная украинофильская партия, мы, угоро-русские смотрим не совсем симпатично,- писал известный закарпатский общественный деятель священник Ставровский не менее известному галицкому украинофилу В.Гнатюку в ответ на призыв последнего присоединиться к украинскому движению. – Предполагаю, что Вы не будете за то гневаться, если тут выскажу Вам откровенно то общее мнение, которое мы, угоро-русские, имеем о Вашей партии». Ставровский упрекал украинофилов в попытках навязать народу вместо русского языка испорченный, т.е. всю ту же выдуманную поляками «рідну мову», которую «ни украинские, ни галицкие, ни угорские русские не употребляют и трудно понимают; кроме того, употребляемая у Вас орфография неестественная, научной этимологии и лингвистике противная. Если бы Вы писали соответственно правилам и тысячелетнему преданию, тогда бы и галичане, и наши русаки лучше поняли Вас.... Наконец: Ваша партия заявила недавно во всеуслышание, что она отвергает всякую солидарность с прочими русскими, которых

называет москофилами. Из этого следует, что Вы всех нас, не принимающих Вашего радикализма и Вашей орфографии, считаете как бы врагами государства, и что Вы стоите в солидарности с поляками и даже под покровительством поляков, которые внушают Вам все эти выше исчисленные стремления. Вот наше угро-русское духовенство и простой народ имеют такое воззрение о Вашей партии, и пока Ваша партия будет в том направлении действовать, до тех пор угро-русские не будут ей сочувствовать»[148].

«Благодарю Вас за Вашу почесть и доверие, которым вы меня в сём интересном деле одарили. Но я уже наперёд должен изъявить, что я ваш человек не могу быть, понеже мои начала с взором русской письменности и радикально противные суть, тем, которые общество Шевченко (имелось ввиду «научное общество Шевченко», возглавляемое Грушевским - Авт.) распространять старается. Так думаю, что и другого никого на Угорщине между нами не найдётся, который бы к сему обществу пристал, настолько оно дискредитировано у нас. Ведь оно и у вас больше вреда, чем пользы принесло. Мы себе таких экспериментаций не можем дозволить... Язык того общества, нам совсем чужой и не понятный, мы его не разумеем. У нас бы высмеяли человека, если бы вашим исполяченным и испорченным жаргоном пробовал говорить или писать. Мы не меняем наше наречие на вашу выкручену мову. То есть мы, пока нас благоизволит милосердный Господь поддерживать, останемся русскими и не переменимся на русских»[149] -отмечал в письме тому же Гнатюку другой видный деятель Закарпатья С.Сабов.

Категорически выступал от попыток отделиться от русского литературного языка и крупнейший угорорусский поэт того времени Иван Сильвай: «Я прочитал изданные Вами «Лірники», это издание также интересно, как всё, что входит в состав этнографии. Только не понимаю, почему пользуетесь вы «Кулішівкою». У нас не только не

увлекается ею никто, но напротив, кто только немножко занимался сравнительной филологией, тот всю кулішівку, все покушения к литературному разъединению и сепаратизму считает детскою чепухой»[150].

В другом письме (опять же к Гнатюку) Сильвай подчёркивал: « По эту сторону Карпат нет ни одного образованного русского человека, который увлекался бы вашею самостийною правописью и самородными мриями. Понапрасну станете Вы утверждать, уж хоть с клятвою, что вы русин, вас все будут считать поляком, портителем прекрасного русского языка. Издаваемой вами книги вы мне не посылайте, мне довольно муки причинило одно прочтение вашего самостийного письма, а не то ещё целой самостийной книги»[151].

Ещё один известный закарпатский деятель Иван Раковский недоумевал по поводу стремления российских украинофилов создавать отдельный малорусский язык и литературу: «Как могла образоваться в пределах самой же России партия, отвергающая настоящий письменный русский язык? Что в Австрии готова почва для подобного рода деятелей это нам понятно: ибо, само собой разумеется, что немецкое правительство равнодушно не может смотреть на преуспеяния другой народности, могущей, в своё время, оспаривать преобладание немецкого элемента; но что в России, и именно между соплеменниками нашими малороссами находятся мечтающие об образовании малорусской литературы, отдельной от настоящей русской, это, конечно, приводит нас в изумление… Мы должны заметить, что нисколько не видим нужды покинуть настоящую русскую литературу и гоняться за призраками какой-то новой малорусской литературы»[152].

Раковский удивлялся намерению возвести неправильное произношение некоторых русских слов в грамматические нормы и на такой основе создать новый язык: «Не находим мы никакой ни грамматики, ни логики в употреблении следующего образа писания:

«вже», «де», «ще», «усе», «гострий», «читав», «говорить», «у церковь», «у корові» и пр. вместо «где», «ещё», «всё», «острый», «читал», «говорил», «в церковь», «в корове». По его мнению, многие слова в отдельных местностях произносятся по-своему, отлично от правильного литературного произношения, и от произношений других местностей. Например «знау», вместо «знаю», «цярь» вместо «царь», «читат» вместо «читает» и т.д. Сколько же пришлось бы создавать языков?[153]

«Мы не считаем настоящую русскую литературу чуждою для малорусского племени, трактуем её как общее достояние всех русских»[154] - делал замечание угрорус.

Такие настроения безраздельно господствовали в Закарпатье. Конечно, и там власти делали всё возможное, чтобы местное население забыло о своём русском происхождении. Однако, в отличие от австрийских немцев и поляков, венгры (после преобразования в 1867 году Австрийской империи в Австро-Венгрию Закарпатье вошло в венгерскую часть государства, а Галиция и Буковина остались австрийскими) не жаждали насаждать в Угорской Руси украинство. Они предпочитали превращать эту область в чисто венгерскую.

После окончания первой мировой войны закарпатские общественные деятели однозначно высказались за воссоединение с Россией. Но, будучи враждебно настроены по отношению к установившейся там Советской власти, они приняли решение о временном (пока в России не будут свергнуты большевики) вхождение края в состав Чехословакии.

В чехословацких правящих кругах поначалу не было единого мнения насчёт национальной политики в Подкарпатской Руси (под таким названием Закарпатье присоединилось к Чехословакии). Первый премьер-министр нового государства К.Крамарж считал украинское движение изобретением немцев и не скрывал своей враждебности к нему. Зато президент страны Т.Масарик ненавидел русских и потому

поддерживать украинофильство считал своим долгом. Вот только Крамарж оставался премьер-министром всего несколько месяцев, а Масарик занимал высший государственный пост на протяжении многих лет (до 1935 года). Это и определило политику Праги.

Она была направлена на насаждение «украинской национальной идеи». Из госбюджета выделялись немалые средства на финансирование украинских организаций, пропаганду украинского языка. Иногда использовались и силовые методы. Но к массовым репрессиям власть всё-таки не переходила, и, население могло пользоваться относительной свободой.

Органы местного самоуправления в Ужгороде и Мукачеве использовали в своей работе русский литературный язык. По-русски же были написаны вывески с названием улиц в закарпатских городах. Русский язык преобладал и в общественной жизни. А вот в системе образования, стеснённой инструкциями чешского министерства, наблюдалось двуязычие. В Ужгородской гимназии обучение велось на украинском языке, в Мукачевской – на русском, в Хустской – частично на одном, частично на другом. В учительском институте Мукачева предметы преподавались по-русски, в торговом училище – по-украински.

Двуязычие царило и в прессе. 14 закарпатских газет выходили на русском языке, 8 – на украинском. В целом же, как свидетельствовал видный закарпатский учёный Г.Геровский, образованная часть населения «говорит на языке, словарный состав и морфология которого являются русскими литературными, но имеют особенности собственного подкарпатского произношения. Менее образованные люди говорят на местных говорах с большей или меньшей примесью книжных выражений». Что же касается нашей «рідной мови», то, указывал Геровский, «галицко-украинский литературный язык распространяется с очень большим трудом, и даже выпускники

гимназии с украинским языком обучения не в состоянии полностью преодолеть трудности в произношении, которое очень существенно отличается от естественных звуков подкарпаторусской речи»[155].

После оккупации (накануне второй мировой войны) Закарпатья венгерскими войсками новая власть стала поддерживать так называемое «руськое» направление, провозглашающее отделение местного «руського» языка как от русского, так и от украинского. «Великорусский литературный язык есть языком Москвы, в котором не имеется руських элементов... Так точно не имеет ничего общего руський язык с украинским, который образовался в Польше. Наши русины жили в Венгрии и не имели ни политической, ни культурной связи с великороссами или украинцами»[156] - писал теоретик этого направления.

При этом «руськие» филологи использовали всё-таки общерусский алфавит («ы» и др.).

Процесс украинизации Закарпатья был завершён только после 1945 года. Примерно тогда же была украинизирована и Пряшевская Русь – самая западная часть этнической русской территории и после второй мировой войны оставшаяся в составе Чехословакии. Там украинский язык вместо русского был введён в школах в 1952 году постановлением ЦК Компартии Словакии. Население протестовало, требовало сохранения русского образования. Но власть твёрдо стояла на своём, а украинофилы жаловались на «низкую национальную сознательность и национальное равнодушие украинских трудящихся». В конце концов, ЦК Компартии Словакии постановил развернуть «политико-воспитательную работу, направленную на повышение национальной сознательности украинских трудящихся»[157].

Таким образом, вся Юго-Западная Русь оказалась украинизированной. И, говоря словами печально известного деятеля современности, сегодня мы имеем то, что имеем.

Украинский язык, ещё несколько десятков лет назад почти никому непонятный, вызывавший только насмешки и неприязнь, возведён в статус государственного, именуется «рідною мовою» и принудительными мерами внедряется повсеместно. Украинские газеты начала XX века, которые из-за непонятности языка в то время почти никто не читал, ныне в состоянии прочитать любой выпускник средней школы. (Экземпляры этих газет сохранились в крупных библиотеках и желающие могут сами во всём убедиться).

И.М.Стешенко оказался прав: если новый язык насильно навязывать нескольким поколениям подряд, он становится привычным и понятным. Но прав оказался и Нечуй-Левицкий: привычное и понятное всё-таки не стало родным. Ведь большинство из тех, кто при различных опросах и переписях называет украинский язык родным, делают так только потому, что с детства им внушали, что они – украинцы и родной язык должен быть украинский. На самом же деле, эти люди говорят или чисто по-русски, или на так называемом «суржике», т.е. на всё том же малорусском наречии русского языка, сильно украинизированном за последние десятилетия (не забудем, что в распоряжении украинизаторов, помимо прочего, появились такие действенные средства как радио и телевидение), но всё же не утратившем признаков общности с русской литературной речью.

В этом отношении интересны данные опроса общественного мнения, проведенного в Киеве Институтом социологии НАН Украины в апреле 2000 года. При ответе на вопрос: «Какой язык Вы считаете родным?» - 76% киевлян – украинцев по происхождению назвали украинский. Когда же социологи несколько перефразировали вопрос: «На каком языке Вы общаетесь в семье?», только 24% киевлян – украинцев ответили, что на украинском[158].

«В ответах на вопрос о родном языке респонденты нередко отожествляют его с этническим происхождением – отмечает заместитель директора Института социологии НАН Украины, доктор социологических наук Н.А.Шульга. – Поэтому для того. чтобы получить более объективную картину распространения языков в разных сферах жизни, необходимо задать вопрос не только о родном языке, но и на каком языке люди общаются в разных обстоятельствах»[159].

Однако и вопрос о языке общения в семье полностью картину не проясняет. Как утверждает тот же Н.А.Шульга: «Косвенным показателем распространения русского языка в Украине является выбор респондентами языка анкеты. Институт социологии НАН Украины при массовых опросах использует социологические анкеты на двух языках – украинском и русском. Перед тем, как начать опрос, интервьюер предлагает респонденту по желанию выбрать анкету или интервью на украинском или русском языке. Иначе говоря, каждый социологический опрос – это манифестация языковых предпочтений населения, своего рода референдум». В результате, как выяснилось во время всеукраинского опроса, 49,5% респондентов ответили, что общаются в семье на украинском языке, 48,5% - на русском языке, 2% - на другом языке. Однако анкеты на украинском языке предпочли взять только 37,2% респондентов, в то время как на русском – 62,8% (данные апреля месяца 2000 года)[160].

Иными словами, даже среди тех, кто уверяет, что общается в семье на украинском языке – многим на самом деле легче говорить по-русски.

15 мая 2000 года известный современный сторонник украинизации Владимир Яворивский, в свой авторской программе на первом канале украинского радио сокрушался, что на всю многомиллионную Украину лишь несколько десятков тысяч человек действительно владеют украинским литературным языком. Эти несколько десятков тысяч и можно отнести к числу настоящих украиноязычных.

Впрочем, и среди этой категории, далеко не все являются украинцами по происхождению. Ещё в начале украинизации было

замечено, что часто евреи, поляки и великороссы гораздо быстрее овладевают украинским языком, чем те, для кого он официально является родным. «Я знаю множество фактов, как кое-кто, например, из русских или евреев, недавно начав украинизироваться, превзошли на всех участках языковых (а особенно в письменности) «вековечных украинцев»[161] - свидетельствовал один из главных подручных Кагановича – М.Ф.Сулима. Это ли не доказательство того, что пресловутая «рідна мова» украинцам ничем не ближе, чем русским или евреям?

Что такое украинизация?

Подведём некоторые итоги. Со времён Киевской Руси на всей её территории (и на юго-западе, и на северо-востоке) существовал один русский язык. Этот язык стал разделяться на наречия (малорусское, великорусское, белорусское) после временного распада единого государства, захвата отдельных его частей иноземными поработителями.

Великорусское наречие развивалось на основе языка прежней Руси - Киевской. Это объяснялось относительно свободным культурным развитием северо-восточных русских земель (области распространения великорусского наречия). Татарская Золотая Орда, в зависимость от которой попала Северо-Восточная Русь, собирала с подвластных территорий дань, иногда опустошала их разорительными набегами, но не навязывала своей культуры, языка. Доказательством тому служит современный русский язык, в котором сохранилось очень немного слов татарского (а также фино-угорского) происхождения.

По-иному сложилась судьба Руси Юго-Западной (Малороссии), подвергшейся сначала польско-литовскому, а потом польскому влиянию. Это влияние существенно отразилось на культуре вообще, и на языке, в частности. В результате, малорусские народные говоры

представляли собой пёструю русско-польскую смесь. «Польскому влиянию, прежде всего, попала Южная Русь, - писал известный украинский учёный И.И. Огиенко. – Влияние это началось рано, - уже в XIV веке в южнорусской речи есть полонизмы. Влияние это с течением времени всё разрасталось и дошло до того, что ополячилась почти вся южнорусская знать. О языке и говорить нечего: литературный южнорусский язык, особенно XVII века, сплошь пересыпан полонизмами. «Последствия полонизации сказывались долго. Как замечал учёный в 1915 году, «современная малорусская речь содержит в себе весьма много заимствований из языка польского»[162].(Через два года разразилась революция, и Огиенко вместе с другими украинофилами принялся сочинять легенду о древности самостоятельного украинского языка. Но это была уже не наука. Это - была политика).

Полонизация прекратилась (да и то не сразу) после воссоединения Малой Руси с Великой. Начался естественный процесс очищения народной речи от полонизмов. Этот процесс и задумали остановить руководимые поляками украинофилы, путём создания из малорусского наречия самостоятельного литературного языка.

Противоестественность украинофильских стремлений была очевидной с самого начала. Самостоятельный язык возникает только при долговременном самостоятельном существовании народа, чего в данном случае не было. Один из киевских публицистов XIX века сравнивал отношения малорусского наречия и русского языка с отношением ручья и полноводной реки. «Ручей, необыкновенным разлитием отведённый от родной реки» затем «снова смешивал воды свои с её водами». После этого «ужели ручей может катить свои волны отдельно от реки?» Точно так же и малорусское наречие могло составлять народный говор только в эпоху польского ига («от уклонения ручья в сторону до слития его с рекою»). «Малорусское

просторечие как явление временное, случайное, как говор, сложившийся для выражения бедной жизни народа русского под влиянием польским, есть явление для нас понятное, почти безразличное в устах запорожца времён Мазепы; но отстаивать, тем более обособлять это наречие теперь, после вековой почти, нераздельной жизни разных членов семьи русской?» Такое намерение будет означать попытку «окаменять это наречие, увековечивать в нём ржавчину, въевшуюся в кости русские от цепей чуждого рабства»[163].

Кроме того, замечал публицист, малорусское наречие приспособлено исключительно для потребностей крестьянской жизни. «Чтобы создать из подобного наречия язык, а особенно литературу, нужно сделать то же, что должен был бы сделать человек, у которого нет и гроша, а ему хочется иметь миллион, то есть украсть его или одолжить. Чтоб и просторечье малорусское сделать органом всех выводов, изобретений и наблюдений науки, создать, то есть, малорусскую литературу, для этого оно непременно должно или украсть, или взять на прокат у языка русского или польского очень многое, и, прежде всего, хоть технологию, создать (если есть возможность) грамматику, да очистить речь свою от соллецизмов и барбаризмов как принадлежностей бедного, неустроенного наречия»[164].

Первый путь (заимствование из русского литературного языка) вполне естественен. Однако в этом случае «порченое наречие, малорусский жаргон преобразится в чистый русский язык. Так, когда вера и обрядность униатская очистились от искажений, внесённых в неё католицизмом, они явились по-прежнему православными; а что случилось с верою южнорусского народа, того весьма законно желать и для его языка как для равноправного вере элемента народной жизни. От того и талантливейший из людей, писавших малорусским наречием,- Шевченко вынужден был поминутно черпать обеими руками слова и обороты из русского словаря и говора».

Однако украинофилы пошли другим путём, польским. «Кроме закрепления бесчисленных чуждых русской речи слов и оборотов, насильно вторгшихся в неё от причин, теперь несуществующих, они поминутно обращаются к лексикону своих и наших приятелей, только лишь для того, чтобы не обращаться к словарю родному, русскому. Сюда относятся: «погляд», «оповідання», «омана», «наданий», «одностайний», «жаданьє» и многие другие, которых нет в малорусском говоре, происхождение которых очевидно.

«Когда все эти непрошенные протекторы обособления малорусского наречия начнут подвигаться по этому пути вперёд, они незаметно попятятся назад,-в объятия латино-польской пропаганды: их наречие из порченного русско-славянско-польского обратится, может быть, в язык, но, конечно, порченый – польский, и они, изменив языку предков, запишут в истории имена свои рядом с теми из них, которые изменили вере предков»[165].

Такова история зарождения «рідной мови». Чем дальше украинофилы «розвивали» её, тем сильнее отдаляли от русского языка и от народных говоров.

Особенно большая «заслуга» в деле отрыва «рідной мови» от народной почвы принадлежит Л.М.Кагановичу. Именно во время его хозяйничанья на Украине в этом отношении был достигнут значительный «прогресс». В докладе, зачитанном в январе 1929 года в Комиссии по изучению национального вопроса Коммунистической академии и посвящённом проблемам «культурного строительства в национальных республиках», отмечалось: «Возьмём дореволюционный украинский язык на Украине, скажем, язык Шевченко, и теперешний украинский язык, с одной стороны, и русский язык – с другой: Шевченко почти каждый из вас поймёт. А если возьмёте какого-либо современного украинского писателя – Тычину, Досвитского или другого из новых, - я не знаю, кто из вас, незнающих украинского или

хотя бы польского языка, поймёт этот язык на основе русского. По отношению к русскому языку мы видим здесь значительное увеличение расхождения».

Таким образом, новый украинский язык можно понять, владея языком польским, но не русским. Автор доклада – С.Диманштейн – считал происходящее положительным явлением: «Если люди хотят иметь свой язык, они, естественно, ставят вопрос о чистоте языка. Начинаются поиски в глубинах истории или местных диалектов, старинных памятников и т.д., начинают искать самобытность – и находят»[166].

Тем временем, людей о желательности нового языка как раз и не спросили. Да и слова, которые отыскивали в «глубинах истории» (т.е. в периоде до воссоединения Малой и Великой Руси, когда ещё не было «насильственной русификации»), вводили вместо русских, на поверку оказывались не народными, а польскими. Наиболее яркий пример: изгнание из украинского языка слова «город», объявленного «русизмом», и замена его извлечённым из «глубин истории» словом польского происхождения «місто». Между тем, слово «город» употреблялось в Юго-Западной Руси с давних пор, известно ещё из киевских летописей и зафиксировано во множестве географических названий (Вышгород, Миргород, Ужгород, Шаргород).

Таких примеров можно привести многие тысячи (далеко не полный перечень польских заимствований интересующие могут найти в книге А.Железного «Происхождение русскоукраинского двуязычия в Украине», К, 1998).

Так что же представляет собой современная «борьба с последствиями русификации»? Не есть ли нынешняя украинизация, по сути своей, попыткой заставить называемых «украинцами» малороссов забыть своё русское происхождение? (В развернувшихся баталиях вокруг языковой проблемы, сторонники тотальной украинизации очень

любят разбрасываться оскорблениями, называя своих русскоязычных соотечественников «манкуртами», «яничарами» и т.д. А не кажется ли панам-украинизаторам, что прежде чем бросаться такими обвинениями, следует внимательно посмотреть а зеркало?)

Не странно ли: французы и триста лет назад были французами, поляки – поляками, сербы - сербами и т. д. А про украинцев как особую национальность не слыхал и Тарас Шевченко. Возьмите произведения «Великого кобзаря». Ни в поэзии, ни в прозе, ни в письмах, ни в «дневнике» нет даже слов «украинцы», «украинец». Какую же «украинскую национальную идею нам навязывают»?

Родным для коренного населения всегда был русский язык. Малорусское простонародной наречие и литературный язык являются лишь его разновидностями. Люди необразованные общаются на просторечиях, «суржике». Те же, кто, поднимается на более высокую ступень развития, переходят в общении на русский литературный язык. Где же здесь «зневаження мови свого народу», в чём обвиняют русскоязычное население сегодняшние украинизаторы?

В 1874 году в Киеве была проведена первая общегородская перепись населения. Среди прочих, задавался киевлянам и вопрос о языке. Оказалось, что из 116 774 киевлян 46 060 человек отметили, что родным для них является русский литературный (общерусский) язык, 8 476 человек – великорусское наречие, 35 205 – малорусское наречие, 1 379 – белорусское наречие. Таким образом, отмечалось в итогах переписи, 91 120 человек признают родным русский язык в различных его видах[167].

Позднее выяснилось, что руководившие проведением переписи украинофилы (а возглавлял переписчиков не кто иной, как П.П.Чубинский, автор слов гимна «Ще не вмерла Україна») при помощи различных ухищрений и махинаций завысили число тех, кто назвал родным малорусское наречие. Но дело не в этом. Даже ярые

украинофилы понимали, что русский литературный язык не исключительно великорусский, но также и малорусский, и белорусский, что все эти наречия (великорусское, малорусское, белорусское) вместе с литературным языком составляют один русский язык, общий и великорусам, и малорусам, и белорусам.

Уместно привести и выдержку из работы выдающегося русского филолога Н.С.Трубецкого: «Вопрос о том, являются ли два близко родственных наречия диалектами одного или двумя самостоятельными языками, сводится к тому, насколько существующие между данными наречиями и словарные, грамматические и звуковые различия фактически затрудняют языковое общение и взаимное понимание представителей того и другого наречия... В частности, относительно русских племён следует отметить, что там, где малороссы и великороссы живут друг с другом бок о бок (в областях недавно колонизированных и на этнографической границе между обоими племенами, например в некоторых частях Воронежской и Курской губернии), они без труда понимают друг друга, причём каждый говорит на своём родном говоре, почти не приспособляясь к говору собеседника. Правда, в этих случаях встреча происходит обычно между представителями южновеликорусских говоров, с одной стороны, и северомалорусских или восточноукраинских говоров с другой; если бы встреча произошла между архангельским помором и угрорусом или буковинским гуцулом, то взаимное понимание, надо полагать, оказалось бы более затруднённым. Но на это можно возразить, что саксонцы и тирольцы тоже почти не понимают друг друга, когда говорят на своих родных говорах, и маланцы и сицилийцы просто-таки совсем друг друга не понимают»[168]. «Немец южный тяжелее понимают немца северного, чем «малорос» москаля»[169] – соглашался и уже упоминавшийся Вацлав Липинский.

Таким образом, простонародные украинские говоры (как бы их не называли) вместе с простонародными великорусскими говорами и аналогичными белорусскими говорами составляют русский литературный язык.

Нынешняя «рідна мова» со всеми её «гелікоптерами», «потягами», «шприкалками» и т.п. создана искусственно и уже по этой причине не может быть родной ни для кого.

И это прекрасно сознавали сами украинофилы. М.П.Драгоманов потратил много сил и умения, убеждая всех вокруг, что украинцы должны разговаривать «по-украински». На украинском языке переписывался он со своими соратниками и призывал их твёрдо отстаивать права «рідної мови», но вот к своей сестре, украинской писательнице Олене Пчилке (матери Леси Украинки) писал почему-то по-русски.

Родным был русский язык и для Михаила Грушевского, и для Бориса Гринченко, и для Ивана Стешенко, лишь из политических соображений ставших украиноязычными. Так же из политических соображений перешёл на украинский писатель Степан Васильченко, начинавший свою литературную деятельность на русском языке. Этот классик украинской литературы жаловался потом на трудности нового пути (ведь этот «украинский язык» ещё только придумывался). «Писать произведения украинским языком, молодым, недоделанным, без сравнения труднее, чем русским, с его широчайшим лексиконом, с готовыми фразами. Украинскому писателю приходилось тут делать двойную работу – тянуть вместе два плуга: писать художественное произведение и вместе с тем создавать для него язык»[170].

Секретарь Центральной Рады Михаил Еремеев в мемуарах рассказывал, что на всех дореволюционных украинофильских мероприятиях присутствующие говорили по-русски, поскольку вести культурный разговор на украинском языке «было очень тяжело». Если

же среди украинофилов находился кто-то, кто заговаривал по-украински, то на него смотрели, как на какую-то редкость, «как смотрят на музейные экспонаты»[171].

А другой видный деятель Центральной Рады – А.Лотоцкий вспоминал, как однажды во время празднования очередной шевченковской годовщины собравшиеся украинцы после прослушивания народных песен грянули русский национальный гимн «Боже, Царя храни!», чем довели «национально-сознательных» организаторов мероприятия до истерики[172].

Известно также, что генеральный секретарь Центральной Рады по международным делам (т.е. министр иностранных дел), «отец украинской дипломатии» А.Я.Шульгин дома с женой и близкими друзьями говорил по-русски, но стоило на пороге показаться постороннему – господин министр тут же переходил на «рідну мову»[173].

Аналогичным образом вел себя петлюровский министр труда М.А. Славинский. Да и вообще, по признаниям петлюровских деятелей, «даже в патриотических украинских семьях перевес имел русский язык»[174].

Еще один член Центральной Рады, а впоследствии нарком просвещения УССР Александр Шумский прославился тем, что в украинизаторском рвении превзошёл даже Л.М.Кагановича и был обвинен в националистическом уклоне (так называемый «шумкизм»). Но, как свидетельствовал бежавший на Запад украинский советский дипломат Г.З.Беседовский (знавший Шумского, когда тот работал полпредом УССР в Варшаве), «украинец Шумский имел очень слабое представление об украинском языке. Его ноты были беспорядочной мешаниной из русских, украинских и польских слов.... Было противно читать этот самодельный волапюк»[175].

Если говорить о деятелях Западной Украины, то стоит вспомнить, что собравшийся в 1848 году съезд галицко-русских ученых

постановил: очищая народные говоры от полонизмов, вырабатывать самостоятельный литературный язык. Но вскоре выяснилось, что чем больше галицкие выговоры очищаются от польских слов, тем сильнее приближаются они к русскому литературному языку. И через несколько лет учёные – галичане отказались от языковой «самостийности» и единодушно признали родным язык Ломоносова, Пушкина, Гоголя.

Зато яростно боролся с русским языком и отстаивал права «рідної мови» австрийский украинофил барон Н.Василько. Правда, для самого барона родным был совсем не украинский, а немецкий язык. И когда С.В.Петлюра назначил его главой дипломатической миссии в Италии, петлюровские дипломаты злословили, что теперь каждый доклад нужно будет переводить на немецкий язык, так как Василько «будет трудно его по-украински прочитать»[176].

Перечень примеров можно продолжать и дальше, но, наверное, приведённого достаточно, чтобы убедиться в том, что «рідна мова» совсем не рідна.

Всё вышесказанное не означает, что украинский язык нужно дискриминировать. На сегодняшний день на нём создана большая научная литература, написаны художественные произведения (среди которых много талантливых). Часть населения считает этот язык своим, желает развивать его дальше. Это их право. Но нельзя забывать, что родным для Украины является всё-таки русский, что Украина прекрасная, самобытная сторона, но она – часть исторической Руси. «Опомнитесь, голубчики, любите Украину, любите наш говор, наши песни, нашу историю, но полюбите целую Русь и не четвертуйте её так немилосердно»[177] - писал, обращаясь к украинофилам, выдающийся галицко-русский деятель Н.И.Антоневич.

Отказываясь признать русский язык своим, Украина вынуждено отрекается от части собственной культуры, от целого ряда талантливейших писателей и поэтов (от Николая Гоголя до Анны

Ахматовой), от плеяды выдающихся карпаторусских деятелей (первого историка Галиции Д.И.Зубрицкого, писателя А.Духновича, филолога Я.Головацкого и др.).

Разве не снижает культурный уровень украинцев исключение из школьных программ русского языка и русской литературы? Разве можно признать нормальным тот факт, что в русскоязычном Киеве не осталось ни одного русскоязычного детсада и почти не осталось школ с русским языком обучения? Не превратиться ли в результате такой «образовательной» политики разговорный язык киевских детей из чисто русского в какую-то смесь, всё тот же «суржик»? Это и есть «национальное возрождение»?

В 2000 году киевская организация «Просвіта» выпустила книжку своего лидера Ю.Гнаткевича «Уникаймо русизмів в українській мові!» Автор зовёт на борьбу с «русизмами» и приводит краткий их перечень в «короткому словнику-антисуржику», поясняя заодно, как надо писать правильно. Любопытно сопоставить этот «словничок» со словарём языка Т.Г.Шевченко. Из 56 слов, которые есть у Тараса Григорьевича и отмечены в «словничку», 36 - «русизмы». Что ж будем «очищать» мову и от Шевченко?

Следует помнить и ещё об одном. «Украинская национальная идея» построена целиком на лжи. Свет Правды означает для неё смерть. И если эта идея будет положена в основание государственного строительства, как этого кое-кто хочет сегодня, это приведёт к далеко идущим последствиям. Чтобы защитить ложь от Правды, придётся засекречивать архивы, запирать книги в спецхранах, устанавливать жёсткую цензуру, ужесточать политические репрессии.

Но ведь всё равно через десять, двадцать, пятьдесят лет правда, выйдет наружу. И тогда базирующийся на лжи идеологический монстр рухнет, оставляя незаживающие раны в душах целых поколений, воспитанных на лживой идее. Не слишком ли большую цену должна

будет заплатить Украина в угоду некоторым «национально сознательным» деятелям?

И последнее. Немецкий язык занимает в Австрии такое же положение, как и в Германии, и там, и там проживает единая немецкая нация, но независимость этих стран друг от друга сомнению не подлежит. То же самое можно сказать о греках и греческом языке в Греции и на Кипре. Отделившись от Англии, Соединённые Штаты не стали выдумывать себе язык, а продолжают пользоваться английским, не видя в этом ни малейшей угрозы своему государственному суверенитету.

Англоязычны и ирландцы, но вряд ли кто-либо заподозрит их в желании присоединиться к Великобритании. Одним языком пользуются сербы и хорваты и считают его родным, несмотря на все политические расколы. Так нужно ли опасаться, что признание исторических прав русского языка в Украине подорвёт её независимость, обзывать русскоязычное население «пятой колонной Москвы»?

«Русская культура и русский язык очень сильны на Украине, - признавал видный украинский учёный и государственный деятель, министр народного просвещения при гетмане Скоропадском Н.П.Василенко. – На них воспитывалась вся украинская интеллигенция. Говорить, что эта культура навязана народу, значит, по-моему, говорить заведомую неправду. Русская культура имеет глубокие корни в сознании украинского народа. Русский язык является родным языком преобладающей части интеллигенции на Украине. Мало того. Значительный процент населения Украины говорит только на этом языке. Поэтому, с точки зрения государственной (не говоря уже о национальном чувстве), унижать положение русского языка или придавать ему какое-то второстепенное значение было бы не только нецелесообразным, а прямо таки вредным... Я считаю вопрос об украинском языке чрезвычайно важным в державном строительстве

Украины. Тем не менее, я являюсь противником издания закона об одном только державном языке. Такой закон, кроме путаницы, вреда и больших затруднений в жизни ничего не принесёт. Оба языка - и русский, и украинский – должны пользоваться полным равноправием. Практически жизнь сама хорошо развяжет этот вопрос. Не следует только государству класть свой кулак на ту или другую сторону»[178].

Задумаемся над этими словами.

Примечания

1. Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Україні // Україна, 1907. №1. с.10-11.

2. Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб, 1836. с.20.

3. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Книга вторая. М.,1855. с.286.

4. Павлищев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Т.2. СПб, 1887. С.286.

5. Кулиш П.А. Об отношении малороссийской словесности к общерусской (Эпилог к «Чёрной раде») // Куліш П.О. Твори. Т.2. К.1989. с.459.

6. Цит. по: Флоринский Т. Малорусский язык и «украіно-руський» литературный сепаратизм. СПб, 1900. с.46.

7.Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Этнографическое обозрение. 1996. №6. с.142.

8. Довбищенко Я. Михайло Дрогоманов // Пам`яти Михайла Драгоманова. Х. 1920. с.10.

9. Плевако М. Григорій Квітка-Основ`яненко // Наше минуле. 1918. №2. с.13.

10. Костомаров Н.И. Малорусская литература // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова. ДВУ. 1928. с.241.

11. Квітка-Основ`яненко Г.Ф. Твори. Т.5. К.,1957. с.531.

12. Шевченко Тарас. Твори. Т.5 К.,1971. с.12.

13. Там же. с.73.

14. Скрипник М. Підсумки «літературної дискусії» // Більшовик України. 1926. №1. с.31.

15.Флоринский Т. Малорусский язык и «україно-руський» литературный сепаратизм. СПб.1900. с.7-8.

16. Будилович А. К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси. Юрьев, 1900. с.14.

17. Чалый М. Иван Максимович Сошенко. К.1877. с.65.

18. Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Украина это Русь. СПб.2000. с.169.

19. Щёголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К.1912. с.50-51.

20. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.1996. с.191.

21. Перевод П.А.Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах // Киевская старина. 1905. Кн.2. с.327.

22. Цит. по: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 г. Спб,1904. с.302-303.

23.Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Учёные записки ЛГУ. №47. 1939. с.153.

24. Костомаров Н.И. Указ. соч. с.67.

25. Цит. по: Флоринский Т. Указ. соч. с.67.

26. Дорошенко Д. Народная украинская литература. СПб.1904. с.3

27. Цит. по: Стріха М. Українська мова // Сучасність. 1997. №12. с.107.

28. Цит. по: Скрипник М.О. Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. №1. с. 213.

29. Антоневич Н.И. Наше нынешнее положение (Эпизоды из новейшей истории). Львов. 1907. с.28.

30. Демкович-Добрянський М. Українсько-польські стосунки у XIX сторіччі. Мюнхен. 1969. с.36-37.

31. Алабин П.Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856, 1877-1878 годах. Самара 1888. Часть 1. с.15, 25-26.

32. Цит. по: Макара М., Чаварга І. Росіяни в Карпатах // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія історія. Випуск 2. 1998. с.86.

33. Гнатюк В. Національне відродження австро-угорських українців (1772-1880 роки) Відень. 1916. - с.44.

34. Филевич И.И. Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». // Научно-литературный сборник. Повременное издание «Галицко-русской матицы». 1902. Т.2. Кн.4. с.156.

35. Гнатюк В. Вказана праця. с.45.

36. Свистун Ф. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Часть 2. Львов, 1896. с.40

37. Щёголев С.Н. Указ. соч. с.83.

38. Цит. по: Макарчук С.А. Энтосоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов. 1983. с.109.

39. Добрянский А.И. О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. М. 1885. с.11-12.

40. Флоринский Т. Указ. соч. с.113.

41. Галицкая Русь в европейской политике. Львов. 1886. с.116-117.

42. Там же. с.117.

43. Свистун Ф. Указ. соч. Т.2. с.441.

44. Там же, с.278-279.

45. Корнієнко Н.П. Боротьба І.Франка за чистоту української літературної мови // Мовознавство. 1955. Т.13. с.91-93, 100. П.К. Язикові та стилістичні поправки Франка в тексті літературно-критичної студії «Темне царство» // Літературний архів. 1931. Кн.1. с.119-129.

46. Корнієнко Н.П. Вказана праця. с.89.

47. П.К. «Язикові та стилістичні» поправки Франка. с.129.

48. СМ., например, Щёголев С.Н. Указ. соч. с.143-152.

49. Цит. по: Лотоцкий О. Сторінки минулого. Частина 2. Варшава. 1933. с.379-381.

50. Дорошкевич О. Естет і помічник // Життя й революція. 1925. №11. с.66.

51. Записка по вопросу о цензуре книг на малороссийском языке. Х. 1905. с.2,8.

52. Літературно-науковий вісник. 1901. №3. с.227-228.

53. Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часопис на мова на Украіні // Україна. 1907. №2. с.205.

54. Нечуй-Левицький І.С. Криве дзеркало української мови. К. 1912. с.26.

55. См. Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Украіні. //Україна.107. №1-3 Нечуй-Левицький І.С. Криве дзеркало української мови. К. 1912.

56. Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Украіні // Україна. 1907. №2. с.197.

57. Там же. 1907. №1. с.25.

58. Нечуй-Левицький І.С. Криве дзеркало української мови. К. 1912. с.7.

59. Там же. с.44.

60. Там же. с.16.

61. Там же. с.48.

62. Там же. с.88.

63. Там же. с.63.

64. Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Україні. №1. с.40.

65. Там же. - №2. с.211.

66. Коцюбинський М. Твори. Т.3. К. 1956. с.108.

67. Паламарчук Л.С. Спостереження над авторськими лексико-синонімічними замінами в текстах художніх творів М.Коцюбинського // Мовознавство. 1955. Т.13. с.110.

68. Грушевський М. Про українську мову й українську справу. К. 1907. с.8.

69. Пачовський М. Літературна мова на Україні // Україна. 1907. №4. с.63.

70. Стешенко І. Про українську літературну мову. К.1912. с.15.

71. Там же. с.8-9.

72. Там же. с.15.

73. Там же. с.34.

74. Там же. с.35.

75. Верстюк В.,Остапко Т. Діячи Української Центральної ради. К. 1998. с.134.

76. Яновський О. Посягання на мову посягання на державність // Віче. 1993. №4. с.128.

77. Протест Совета Университета Св. Владимира против насильственной украинизации Южной России, принятый на заседании Совета 26 июля 1917 года // Университетские известия. 1916. №11-12. К. 1917. с.6.

78. Лотоцький О. Вказана праця. Частина 2. с.359.

79. Крилач С. Жахлива небезпека для рідної мови // Шлях. 1918. №4-5. с.84.

80. Народна справа. 14 вересня (сентября) 1918 р.

81 Елпатьевский С.Украина и Россия // Родная земля. 1918. №1 с.105.

82 Янковский О. Вказана праця. с.120.

83. Махно Н. Воспоминания. Кн.1. К. 1991. с.113.

84. Центральный Исполнительный Комитет СССР. Вторая сессия. Стенографический отчёт. М. 1926. с.513.

85. Винниченко В. Відродження нації. Частина 2. К. 1990. с.259-260.

86. Синявський О. Коротка історія «Українського правопису» // Культура українського слова Збірник 1.Х. К. 1931. с.110.

87. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1909г. Сессия третья. Часть 1. СПб. 1910. с.3081.

88. Там же. 1910г. Сессия четвёртая. Часть 1. СПб. 1910. с.1280.

89. Цит. по: Пивовар С. Берестейський мирний договір крізь призму ставлення українського народу до державності // Київська старовина. 1998. №1. с.35.

90. Цит. по: Щеголев С.Н. Указ. соч. с.507.

91. Геттер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд (перевод с немецкого). М. 1907. с.48.

92. Липинский В. Листи до братів хліборобів. Київ-Філадельфія. 1995. с.97.

93. Там же.

94. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины . 1919. №23. с.348.

95. Верменич Я.В. Здійснення українізації у 20-30-х роках: політичні і культурні аспекти проблеми. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. К. 1993. с.27.

96. Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з`їздів, конференцій і пленумів. Т.1. К. 1976. с.214.

97. Там же. с.212.

98. Собрания узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины. 1923. №29. с.913-914.

99. Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну. // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці. К. 1970. с.452.

100. Синявський О. Принципи редагування мови й правопису Т.Шевченко // Культура українського слова. Збірник 1.Х. К. 1931. с.117-118.

101. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. Т.6. К. 1964. с.367.

102. Шевченко Т.Г. в епістолярії відділу рукописів. К. 1966. с.253.

103. Синівський О. Принципи редагування мови й правопису Т.Шевченко. с.116.

104. Грушевський М. Вказана праця. с.12-13.

105. Сумцов М.Ф. Начерк розвитку української літературної мови. Х. 1918. с.16.

106. Стешенко І. Вказана праця. с.34.

107. Грінченко Б. Тяжким шляхом. (Про українську пресу). К. 1912. с.40.

108. Кримський А. Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася // О.Шахматов А.Кримський. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам`ятників письменської старо-українщини XI-XVIII вв. К. 1924. с.115.

109. Квірінг Е. Крутий поворот чи розгортання попередньої роботи // Червоний шлях. 1923. №4-5. с.109.

110. Цит. по: Сулима М. Регулятори й дисонатори української літературної мови // Життя і революція. с.131.

111. Яновський О. Вказана праця. с.131.

112. Верменич Я.В. Вказана праця. с.90.

113. Шерех (Шевельов) Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941). Стан і статус // Шерех Ю. Поза книжками і з книжок. К. 1998. с.329-330.

114. Там же. с.330.

115. Блінда Л.В. Українізація та її роль в суспільно-політичному житті українського народу в 20-і роки. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. К. 1992. с.117.

116.Фрід Д. До питання про коріння КПУ. // Більшовик України. 1927. №14. с.37.

117. Гладкий М. Мова сучасного українського письменства. Х. К. 1930. с.96.

118. Довгань К. «На давніх позиціях» (Про сучасну українську літературну мову). // Життя й революція. 1925. №11. с.53.

119. Ганцов В. Проблеми розвитку нашої літературної мови. // Життя й революція. 1925. №10. с.65.

120. Українська мова та шляхи її розвою. // Життя й революція. 1925. №11. с.91.

121. Ткаченко І. Словникову роботу на широке громадське обговорення. // На мовознавчому фронті. Кн..1. К. 1931. с.6-7.

122. Стріха М. Українська мова. // Сучасність. 1997. №12. с.118.

123. Центральный Исполнительный Комитет СССР. Вторая сессия. Стенографический отчёт. М. 1926. с.501.

124. Щепотьев В. Мова наших школярів. // Етнографічний вісник. 1927. Кн..3. с.76.

125. Мурський В. Коротка граматика української мови для шкіл та самонавчання. Смаль-Стоцький С., Гартенер Ф. Граматика руської мови. Відень. 1914. Грох Грохальський Ю. Російсько-український словничок граматичних термінів. Козятин. 1917. Нечуй- Левицький І.С. Граматика української мови. Частка 1. К. 1913. Частка 2 К. 1914. Грунский Н.Н. Украинская граматика. К.1919. Крімский А. Украинская граматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. М.1908. Т.1.

126. Довгань К. Вказана праця. с.52.

127. Терех И. Украинизация Галичины. // Украина это Русь. СПб 2000. с.134-135.

128. Павлик М. Москвофільство та українофільство серед австро-руського народу. Львів. 1906. с.25.

129. Там же. с.4-5.

130. Медвецкий С. Как росла и воспитывалась русская молодёжь вне пределов державной Руси. // Украина это Русь. СПб. 2000. с.143.

131. Кулаковский П. Русский язык и литература пред судом в Австро-Венгрии. Вильно. 1900. с.22-28.

132. Терех И. Указ. соч. с.136.

133. Попик С.Д. «Ukrainischer irredentismus до питання про боротьбу з москвофільством у Австрії (1914-1917). // Науковий вісник Чернівецького університету. 1996. Випуск 6-7. Історія. . с.226.

134. Осетинський В.К. Австрійський військово-поліцейський терор в Галичині під час першої світової війни. // Наукові записки Львівського державного університету. Т.46. Львів. 1957. с.67.

135. Осетинський В.К. Галичина під гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму. Львів. 1954. с.67.

136. Там же. с.94.

137. Там же. с.97.

138. Казанский П.Е. Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси. Одесса. 1914. с.18.

139. Масловський В.І. Дорога в безодню. Львів. 1978. с.25.

140. Цит. по: Платонов О. Россия перед вторым пришествием. // Молодая гвардия. 1996. №7. с.316-317.

141. Батурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М. 2000. с.88.

142. Там же. - с.94.

143. Старосельский А.Ф. Малороссия вне границ России. Из галицких впечатлений. // Русская мысль. 1915. №2. с.152-153.

144. Осетинський В.К. Галичина під гнітом Австро-Угорщини. С.98.

145. Батурина А.Ю. Указ. соч. с.187-188. Макарчук С.А. Указ. соч. -с.62.

146. «Украинцы… могут сделаться честными австрийцами». // Военно-исторический журнал. 1997. №3. с.59.

147. Цит. по: Хвиля А. Блюдолизи графів Бобринських. //Більшовик України. 1928. с85.

148. Гнатюк В. Причинок до історії зносин галицьких і угорських русинів. // Літературно-науковий вісник. 1899. №7-9. с.167-168.

149. Там же. с.168-169.

150. Там же. с.169-170.

151. Там же. с.170.

152. Письмо из венгерской Руси. // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т.3, февраль, с.253-254.

153. Там же. с.254-255.

154. Там же. с.257.

155. Геровский Г. Язык подкарпатской Руси. М. 1995. с.55.

156. Бонкало А. Руський литературный язык. Унгвар. 1941. с.9.

157. Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація. // Вітчизна. 1990. №5. с.116.

158. «Україна молода" 25 квітня 2000 року.

159. Шульга Н.А. Функционирование украинского и русского языков в украинском обществе // Что делать? №3-4 (7-8), февраль, 2001 г. с.82.

160. Там же.

161. Сулима М.Ф. Мова нашого студента. // Записки Харківського інституту народної освіти. Т.3. Х. 1928. с.20.

162. И...ъ. О характере и деятелях народного образования // Вестник Юго-Западной и Западной России. Т.3, февраль. с.167.

163. Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке. К. 1915. с.70-71.

164. И...Ъ. Указ. соч. с.169-170.

165. Там же. с.170-172.

166. Диманштейн С. Проблема национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках. // Вестник Коммунистической Академии. 1929. №31 (1). с.122.

167. Киев и его предместья по переписи 2 марта 1874 года. К. 1875. с.20-21.

168. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре.

169. Липинский В. Вказана праця. с.18.

170. Васильченко С. Мій шлях (Автобіографічні записки). // Грудницька М., Курашов В. Степан Васильченко. Статті та матеріали. К. 1950. с.274.

171. Єреміїв М. За лаштунками Центральной Ради (Сторінки зі спогадів). // Український історик. 1968. №1-4. с.97.

172. Лотоцький О. Вказана праця. Частина 2. с.19

173. Феденко П. Дмитро Чижевський (Спомини про життя і наукову діяльність). // Український історик. 1978. №1-3. с.105.

174. Там же.

175. Беседовский Г. На путях к термидору. М. 1997. с.58.

176. Онацький Є. Під омофором барона М.Василька (Записки журналіста і дипломата). // Український історик.1980. №1-4. с.119.

177. Антоневич Н.И. Указ. соч. с.51.

178. Мова. Політика. Культура. Проблема державності української мови очима корифеїв вітчизняної науки. // Вісник Академії Наук Української РСР. 1991. №8. с.52.

Ответственный за выпуск — Борисов Борис.
Компьютерное редактирование и изготовление оригинал-макета — Камурзанов Алексей.

Оригинал-макет и фотоформы изготовлены в Горловском городском комитете Коммунистической партии Украины.

КП «Горловская типография». Заказ № 321. Тираж 500



Евгений Красняков – народный депутат, член фракции Коммунистической партии Украины, учитель истории. Является одним из организаторов межфракционного депутатского объединения «За культурно-языковое равноправие», соавтор проекта Закона Украины о придании русскому языку статуса официального. Член комитета Верховного Совета Украины по вопросам науки и образования.



Александр Каревин – политолог, автор статей, защищающих право на свободное развитие русского языка, русской культуры в Украине.